СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЕВРОПЫ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
ЭТОЙ ИДЕИ

ОЧЕРК

М. КУРЧИНСКОГО

AVEC UN RÉSUMÉ:

LES ÉTATS-UNIS DE L'EUROPE

LES PERSPECTIVES ÉCONOMIQUES ET POLITIQUES DE CETTE IDÉE

PAR

M. KOURTCHINSKY

ДЕРПТ (TARTU) 1930

Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis) B XVIII.4.

Типография Т-ва К. Маттисен, Тарту.

I

Идея Соединенных Штатов Европы или иначе — Пан-Европы в настоящее время является крайне популярной. О ней говорят газеты и журналы, читаются доклады и лекции, печатаются брошюры и книги. В настоящее время по этому вопросу возникла целая литература. Им заняты журналисты, ученые, государственные люди, о нем говорит широкая публика [1]).

В последние годы наиболее тесно связалась эта идея с именем графа Куденхове-Калерги, создавшего для ее проведения в жизнь особое общество, издающего специальный журнал, печатающего книги о Пан-Европе и сумевшего для этой цели организовать целое пан-европейское движение. Им же был созван в Вене особый Пан-европейский конгресс с привлечением к участию в нем ряда более или менее заметных государственных людей.

Последний год принес особое усиление и поддержку мысли о создании Соединенных Штатов Европы, после того как с ее пропагандированием выступил на арене европейской политической жизни такой первоклассный мастер политической борьбы, каким является Аристид Бриан.

Около пяти лет тому назад мне самому пришлось указать на значение идеи Европейских Соединенных Штатов. В своей публичной лекции „Европейский хаос“ после великой

---

1) В основе этой статьи лежит читавшаяся автором публичная лекция, чем отчасти об'ясняется характер изложения, также как и использование некоторых источников. Я считаю, что несмотря на постоянное упоминание, хотя бы в газетной литературе, о Соединенных Штатах Европы или Пан-Европе, широкая публика знает о них по существу очень мало, и поэтому представлялось бы целесообразным дать хотя и популярное, но основанное на серьезных источниках об'ективное изложение этой идеи и связанных с ней перспектив.

войны я отмечал, что „федеративная мирная Европа или европейские соединенные штаты — единственный способ выбраться из взбаламученного моря европейского хаоса“ [2]). Там же я отмечал и связь этой проектируемой организации с Лигой Наций, в виду значительной общности преследуемых ими целей или, по крайней мере, наличия целого ряда точек соприкосновения между ними.

Тогда эта идея была еще сравнительно новой и мало известной широким кругам, вызывая сомнения и недоумения. С тех пор она успела получить широкое распространение, своего рода право гражданства в журнальной и газетной литературе, и хотя вызывает и до сих пор не мало сомнений, но по крайней мере не только не наталкивается на недоумение, но грозит даже, наоборот, стать черезчур избитой и тривиальной. Самая мысль об экономическом об'единении государств Европы и таможенном союзе между ними для создания более широкого экономического базиса и для укрепления их позиции по отношению к остальному европейскому или еще более внеевропейскому миру — не нова. О ней говорили и ей сочувствовали очень многие задолго до появления и начала деятельности графа Куденхове-Калерги. Таможенным Союзом является Германия, главнейшие основы единства которой и были заложены на этой экономической почве, мы знаем свободный союз Великобритании с ее доминионами, с этой мыслью носились в свое время ученые и писатели: знаменитый Фридрих Лист, Воловский, Фоше (Л. Фаухер), Лексис, Молинари, Брентано, Шмоллер, Филиппович, Шеффле; о ней серьезно говорили многие государственные деятели. В совсем недавнее время она поддерживалась в литературе такими разными людьми, как Масарик, Максимилиан Гарден, Герберт Уэльс и Карл Каутский.

Иногда осуществление этой идеи ставилось на более широкую, иногда на более узкую основу. Так, в конце 1830-х годов была выдвинута мысль о таможенном об'единении южноевропейских государств, под названием „Union du Midi“, долженствовавшем об'единить Францию, Испанию, Швейцарию

---

2) М. А. Курчинскій, „Европейскій хаосъ“. Экономическія послѣдствія великой войны, Дерптъ 1925, стр. 36 или то же в „Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis“ B VII 4.

и Бельгию. Не менее смелый план предполагал осуществить в половине XIX столетия австрийский министр торговли барон фон Брук, задумавший соединение Австро-Венгрии с германским таможенным союзом со включением в это об'единение Голландии, Бельгии, Дании и государств тогдашней Италии[3]).

Та же мысль, но уже на наиболее широкой основе под названием „Соединенных Штатов Европы", была выдвинута социалистическими кругами. Во время первого Интернационала, как внутри, так и вне его, эта идея играла известную роль. В 1867 году в Швейцарии заседали одновременно два конгресса: конгресс „Интернационала" в Лозанне и конгресс „Лиги мира и свободы" в Женеве, на которых шла речь о Соединенных Штатах Европы, и на втором из них этой идеи касался в своей речи известный русский анархист М. Бакунин[4]). Мысль о тех же европейских штатах выдвигала в начале 1890-ых годов в германском рейхстаге и социалдемократическая партия устами одного из своих ораторов.

Но наибольшее внимание в новейшее время мысль о подобного рода экономическом об'единении привлекла к себе уже во время великой войны, в связи с появившейся тогда книгой известного германского политического деятеля Фридриха Науманна, предлагавшего образование тесного союза между Германией и Австро-Венгрией, который должен был составить ядро новой „Средней Европы" (так называлась его книга) и к которому, как он предполагал, примкнут впослед-

3) См. о возникновении и развитии этой идеи следующую литературу: J. Pentmann, Die Zollunionsidee und ihre Wandlungen im Rahmen der wirtschaftspolitischen Ideen und der Wirtschaftspolitik des 19. Jahrhunderts bis zur Gegenwart, Jena 1917, S. 26 u. 34; J. Wolf, „Vorläufer und Parallelen einer europäischen Zollunion" в сборнике: „Europäische Zollunion", herausgegeben von H. Heimann, Berlin 1926, S. 10—22; F. Eulenburg, Aussenhandel und Aussenhandelspolitik, Grundriss der Sozialökonomik, VIII. Abteilung, Tübingen 1929, S. 198; Jean Marchal, Union douanière et organisation européenne, Paris 1929; L. Bosc, Unions douanières et projets d'unions douanières, thèse, Aix 1904; Jean Cristu. L'union douanière européenne. Ses conditions et ses difficultés, Paris 1928; см. также на русском языке: С. О. Загорскій, Война послѣ мира, СПБ. 1917, глава вторая: Происхожденіе идеи „Срединной Европы", стр. 42—71.

4) М. А. Бакунинъ, Избранныя сочиненія, т. I, Лондонъ 1915, стр. 54—55; Карлъ Каутскій, Средняя Европа, пер. В. Цедербаума и Г. Волосова, Москва 1915, стр. 56—57.

ствии окружающие их мелкие государства. Мысль об об'единении „срединных" империй — Германии и Австро-Венгрии против двух гигантских империй на востоке и западе — России и Великобритании высказывалась еще до войны. Во время великой войны она получила особую популярность, и, вероятно, наибольшее внимание к ней привлек своей вышеуказанной работой бывший пастор, депутат рейхстага, блестящий оратор и талантливый писатель — Науманн.

Его книга возникла во время войны и навеяна войной. Автор не только не скрывает этого, но, наоборот, совершенно определенно подчеркивает. „В то время как я пишу эти строки, на востоке и западе идут бои. Умышленно я пишу во время войны, ибо только в военное время сознание людей расположено воспринимать большие преобразующие идеи." В мирную эпоху, когда будничная жизнь войдет в свою колею, срединную Европу уже не построишь. Как Бисмарк создал Германскую Империю во время войны 1870 года, а не после войны, так и теперь наши государственные вожди должны заложить основы нового образования во время войны, в потоках крови и в волнениях людского моря. Потом будет уже поздно. Автор сам подчеркивает, что работа его писалась под впечатлением победоносного продвижения германско-австрийских армий на востоке. Идея ее вовсе не должна восприниматься как нечто вневременное, наоборот, она своей плотью и кровью, своим возникновением обязана войне. „Что должно быть результатом войны? За что умерли наши убитые? За то, чтобы на следующий день после окончания военных действий мы снова разошлись в стороны и вели себя так, как будто бы никогда не знали друг друга? . . . Срединная Европа есть плод войны. Вместе сидели мы в тюрьме военного хозяйства, вместе сражались, вместе должны и жить" [5]).

Исходный момент работы Науманна и вызвавшие ее впечатления накладывают на нее соответственный отпечаток. Союз двух срединных империй, связавший их военные интересы и судьбы во время войны против востока и запада, должен не только сохраниться после войны, но еще более укрепиться не только в качестве военного, но и таможенного об'единения. Задача проектируемого союза отнюдь не мирная.

---

5) Friedrich Naumann, Mitteleuropa, Berlin 1915, S. 1 und 263.

„Она придумана скорее как орудие войны, чем как орудие мира. В книге Науманна общность окопов играет столь же большую роль как и общность торговли. Он совершенно серьезно требует, чтобы новое среднеевропейское государство еще во время мира на востоке и на западе резко отгородилось окопами от соседних государств“ [6]).

Науманн нисколько не обольщал себя мыслью, что переживавшаяся тогда человечеством война „последняя“, что после нее человечество навсегда освободится от военного кошмара. „Не приходится думать“, говорит он, „что немедленно по окончании теперешней войны начнется долгий юбилейный год вечного мира!“ Правда, военные настроения несколько ослабеют, но все же война оставит невероятное количество неразрешенных проблем, разочарований и надежд, которые найдут себе выражение в новых вооружениях. Военные министерства, генеральные штабы и адмиралтейства будут на основании опыта законченной войны изобретать новые орудия и средства для защиты своих границ. Можно ли в самом деле поверить, что при таких условиях отдельное государство захочет остаться одиноким?

Вот естественный результат войны — это вывод, что окопы — это основная форма защиты родины.

„После войны окопы будуд созданы во всех тех местах, где имеется возможность военных действий. Возникнут новые римские валы, новые китайские стены из земли и колючей проволоки... В Европе будут воздвигнуты два длинных вала с севера на юг, один из которых будет идти откуда-либо с нижнего Рейна до Альп, а второй от Курляндии направо или налево от Румынии“...[7]).

В настоящее время, после опыта истекшей войны, после необычайного развития войны в воздухе и широкого применения удушливых газов, некоторая часть разсуждений Науманна должна казаться нам в значительной степени устаревшей, но другая часть его соображений сохраняет свою полную силу.

Во всяком случае мы видим, что будущее государство, созданием которого он столь озабочен, рисуется ему в виде

---

6) К. Каутскій, Средняя Европа, стр. 62.

7) Naumann, o. c., S. 6—8.

военного, наднационального государства, об'единенного общностью окопов, защищенного от Востока и Запада линией рвов, колючей проволоки, пулеметов и тяжелых орудий. Таковы те Центральные Штаты Европы, которые рисует в своих мечтах Науманн. Их границы определяются не по принципу возможной общности интересов, а исходя из начал враждебности, отграничения от других европейских государств, главным образом от Великобритании и России.

Не экономические причины препятствуют общему соглашению между ними, а в первую очередь — политические. В отношении Англии его безпокоит будущее немецкого военного флота, который не будет тогда уже более иметь самостоятельных немецких целей, и еще более то, что Германия могла бы быть принуждена принимать участие в английских битвах против России.

В отношении соглашения с Россией экономические выгоды от такого образа действий были бы почти неисчислимы; при существующих условиях русская и немецкая хозяйственная жизнь удивительно дополняют друг друга. Но потенциальная мощь России слишком велика. При подобном об'единении возрастает, правда, германское богатство, но в то же время растет сила России, пока она, в конце концов, „не отбросит нас, потому что не будет в нас нуждаться. Мы сделаемся западным придатком восточной державы, конечно, не незначительным, но и не играющим руководящей роли... Для русского великодержавного союза мы будем исполнять роль инженеров его военных и экономических побед... Никогда! Lieber klein und allein, als russisch!“ [8]).

Дело в том, что Науманн представлял себе проектируемое об'единение не как союз равных, а как союз под немецкой гегемонией; средняя Европа, как он сам говорит, будет в своей основе немецкой [9]), остальные государства должны идти в ее орбите. Между тем, при сближении с Англией и Россией, Германия имела бы перед собой одинаково сильного контрагента, с которым пришлось бы договариваться, как равному с равным. Науманну же представляется желательным „собственный“ путь для Германии, по которому

8) Naumann, o. c., S. 174–178.

9) Naumann, o. c., S. 101.

за ней пойдут другие, т. е. в первую очередь Австро-Венгрия; это „немецкий мировой союз“, вступая в который другие участники сразу же выбирают немецкую ориентацию.

При этом очень характерно, что, как это подчеркнул в своей критике книги Науманна Каутский [10]), Науманн может представлять себе сближение между народами только как средство для подавления кого-либо третьего: Германия с Англией против России, Германия с Россией — против Англии и т. д. Вся эта конструкция, как мы уже указывали, не орудие мира, а военно-политический союз для более верного выигрыша тех битв, которые разгорятся после окончания одной войны, за которой последуют дальнейшие.

И к этому союзу он призывал со всем свойственным ему пасторским красноречием и пафосом. Он обращался за помощью к истории, к прошлому, вспоминая, что срединная Европа зародилась в первую очередь благодаря прусским победам, особенно из эпохи 1870 года. „Выступите, ученые знатоки истории, вы — истолкователи грядущих судеб народов, пойдите своим восприятием навстречу скрытым часто попыткам найти истоки образования срединной Европы.“ Но не только историки, делу этого создания должны служить журналисты, писатели, поэты. „В поэзии и прозе восстань, подымись в высь, Срединная Европа!“ [11]).

Закончившаяся война с Версальским миром и всеми своими, трудно возможными для предвидения в 1915 году последствиями похоронила эту воинственно-патриотическую мечту Науманна.

II

После окончания мировой войны, принесшей после себя полосу „европейского хаоса“, выдвинулись уже совершенно новые проекты, исполненные иным, уже определенно пацифистским духом. К числу таких проектов и принадлежит

10) Каутскій, о. с., стр. 13.
11) Naumann, о. с., S. 58 u. 231.

стоящая теперь в центре общественного внимания идея Пан-Европы или Европейских Соединенных Штатов, выдвигаемая особенно усиленно в последнее время графом Куденхове-Калерги [12]. Эта идея исполнена уже совершенно иного духа и настроения. В чем же заключаются ее главнейшие черты?

На это можно ответить без особого труда, так как изложению ее и ее отношений к различным вопросам европейской политической и общественной жизни посвящен целый ряд книг специального пан-европейского издательства, принадлежащих перу самого графа Куденхове. Для осуществления этой идеи существует с 1923 года особый „пан-европейский союз“ с определенной программой, располагающий специальным журналом, издательством и центральным бюро.

Программа союза подвергалась постепенным изменениям, желавшим придать ей наиболее общую форму, и в своей наиболее поздней редакции [13] заключается в следующем.

Пан-европейское движение представляет собой надпартийное массовое движение для об'единения Европы, носителем которого является пан-европейский союз (ст. 1). Целью пан-европейского движения является об'единение всех европейских государств, которые хотят и могут его осуществить, в один политическо-хозяйственный союз государств, основанный на общем равноправии и мире (ст. 2). Программа мировой политики пан-европейского движения заключается в дружественной совместной работе со всеми остальными политическими континентами в рамках Лиги Наций (ст. 3). Вот главнейшие задачи движения, изложенные в наиболее общей форме. Даль-

---

12) Говоря это, мы нисколько не думаем утверждать, что граф Куденхове-Калерги является ее изобретателем или исключительным носителем. Рядом с созданным им пан-европейским союзом для той же цели — замирения Европы и подготовки этого — сходными путями работают общества по содействию деятельности Лиги Наций, междупарламентский союз, европейские меньшинственные конгрессы и многие другие организации. Граф Куденхове выдвинул только эту идею на центральное место в своих построениях и сумел придать ей особо большой резонанс.

13) R. N. Coudenhove-Kalergi, Kampf um Paneuropa, Wien — Leipzig, Band III, S. 17. О месте, занимаемом пан-европейской идеей среди общего идеологического развития последнего времени, см. P. Honigsheim, Romantische und religiös-mystisch verankerte Wirtschaftsgesinnungen (в Festgabe für Lujo Brentano, I. Band, München und Leipzig 1925, S. 258).

нейшие пункты программы имеют уже более второстепенное значение и указывают на полное воздержание союза от вмешательства во внутренно-политическую обстановку каждого государства и то, что союз организован по государствам, при чем в каждом из них существуют самостоятельные комитеты организации.

Эта общая программа союза и возглавляемого им движения должна быть несколько более расшифрована и развита, что и делается в целом ряде произведений Куденхове, посвященных этому вопросу. Что касается чисто-европейских задач союза (потому что у него есть и более широкие — мировые), то они сводятся главным образом к трем пунктам: 1) проблема мира в Европе, 2) европейская хозяйственная проблема и 3) европейская меньшинственная проблема.

Наиболее важная проблема сохранения мира в Европе заключается в ликвидации последствий прошедшей мировой войны и, главное, в предупреждении возможности возникновения грозящей нам новой войны между европейскими государствами, что может быть достигнуто пан-европейским договором о мирном разрешении конфликтов, соединенным со всеобщим обязательным разоружением и созданием пан-европейского оборонительного союза.

Хозяйственная проблема Европы заключается в том, что эта маленькая, сравнительно, часть света представляет собой большое количество экономически оторванных и даже враждебных друг другу частиц, что является вопиющим анахронизмом, особенно перед лицом уже образовавшихся и образующихся на наших глазах хозяйственных комплексов за пределами Европы. Это положение, грозящее в дальнейшем окончательно погубить европейскую хозяственную жизнь, ведет неизбежно к полному падению способности Европы к конкуренции с другими странами и к тяжелым экономическим, социальным и политическим кризисам. Единственным выходом из этого положения является решительный разрыв с национальным протекционизмом и об'единение Европы на общей экономической основе в особый пан-европейский таможенный союз, постепенно осуществляемый и являющийся вернейшей гарантией европейского мира.

Разрешению национальной проблемы в Европе способствует, в первую очередь, улажение меньшинственного

вопроса, которому пан-европейское движение придает первостепенное значение. В Европе этот вопрос до сих пор не разрешен и представляет собой длительную угрозу европейскому миру. До его удовлетворительной ликвидации всякий мир является только временным перемирием.

Для разрешения этих трех главнейших проблем европейской политики пан-европейское движение видит наиболее радикальный путь в уничтожении внутренних политических границ в пределах Пан-Европы. Это должно быть достигнуто тем, что они будут в дальнейшем сделаны как бы невидимыми. Поэтому пан-европейская программа требует их отмены в трояком отношении: 1) в стратегической области при помощи пан-европейской гарантии и мирного договора на основе Женевского протокола, делающего войну между европейскими государствами невозможной; 2) в хозяйственной области — уничтожением таможенных границ между европейскими государствами и созданием пан-европейского таможенного союза; наконец, 3) в национальной области — пан-европейской гарантией меньшинственных прав, уничтожающей возможность национального угнетения в Европе.

После этого троякого вида уничтожения границ, европейские пограничные линии перестали бы быть источником национальной вражды, экономического соперничества, ирредентизма, насилия и военной опасности.

Благодаря созданию таможенного союза и разрешению меньшинственного вопроса были бы улажены многие европейские споры относительно границ, которые теперь образуют собой постоянную опасность возникновения войны[14]). Подписание гарантирующего все эти требования договора создало бы „Соединенные Штаты Европы".

Вот изложенные в коротких словах главнейшие основы и цели пан-европейского движения. К осуществлению этих целей Куденхове-Калерги призывает всех европейцев, мужчин и женщин, европейское юношество, европейские политические партии, парламенты, всевозможные организации и, конечно, Лигу Наций.

---

14) Coudenhove-Kalergi, Memorandum an das Generalsekretariat des Völkerbundes („Kampf um Paneuropa", Band II, S. 14—19, а также „Kampf um Paneuropa", Bd. III, S. 9—10).

Все это делается в несколько повышенном тоне, что, впрочем, в известном смысле соответствует важности выдвинутых на очередь задач. Его заботят, в первую очередь, судьбы Европы, идущей после мировой войны к своему упадку. Но причина этого упадка не биологического, а социологического характера. Европа умирает не от старческой слабости, а потому что ее жители уничтожают и губят друг друга при помощи современной техники... Однако не сами народы Европы страдают от старческого безсилия, а лишь их политическая система... Мировая война изменила политическую карту Европы, но не ее политический порядок. Так же как и до того, в ней царствует международная анархия, надругательство более сильного над слабым, вечная угроза войны, экономическая разобщенность, политическая интрига. Европейская политика сегодняшнего дня больше походит на политику вчерашнего, чем завтрашнего. Самый лик Европы обращен назад, а не вперед...

Здесь должно быть внесено коренное изменение: на обломках старого должна быть воздвигнута новая Европа, европейская организация на месте европейской анархии.

Если государственные люди Европы будут упорствовать в своем нежелании признать и осуществить эту цель, то они будут сметены народами, будущностью которых они играют... Единственный путь спасения заключается в об'единении Европы в политический и экономический союз для достижения одной общей цели... Такой выход соответствует интересам подавляющего большинства европейского населения; против него может быть только небольшая, но могущественная кучка, управляющая теперешними судьбами Европы и об'являющая идею Пан-Европы — утопией. Но на это нужно ответит, что все великие события в истории начинались в виде утопий, а кончались реальностью. „В 1913 году польская и чехословацкая республика были утопиями, в 1918 году они превратились в действительность; в 1916 году победа коммунистов в России была утопией, — в 1917 году она стала (к несчастью для страны! М. К.) реальным фактом... Мировая история обладает большей фантазией чем ее марионетки и составляется из цепи неожиданностей, осуществившихся утопий“ [14a]).

14a) Coudenhove-Kalergi, Pan-Europa, Wien 1924. S. VIII—XI.

Мировая гегемония Европы после войны навсегда разрушена. Прежде Европы боялись, теперь ее жалеют... Из войны Европа вышла раздробленной: в ней меньше чем прежде великих держав и больше маленьких государств. Аналитические тенденции в ней возобладали над синтетическими нуждами. В то время как во всем мире развивается процесс интеграции, Европа все более стремится к своего рода распадению на атомы[15]). И эта слабость Европы еще более усиливается тем, что рядом с ней появились и все более развиваются новые мировые политические комплексы. Теперь мы имеем пять таких центров мировой политической энергии: 1) американский, 2) британский, 3) русский, 4) восточно-азиатский и 5) европейский. Но в то время как первые все более консолидируются, Европа все более расчленяется, тратя свои силы во взаимной борьбе и конкуренции. Европа должна об'единиться как в политическом, так и в экономическом отношении. Это обеспечит ее от опасностей грядущих войн и подымет ее экономическую сопротивляемость и способность к конкуренции по отношению к другим частям света, выступающим в качестве организованных целых.

Но какая же, собственно, Европа должна об'единиться? Куденхове намечает ее географические и политические границы: это государства европейского континента к востоку от границ Советской России со всеми принадлежащими им в других частях света колониями, но без Британской Империи. Советская Россия не входит в это об'единение, как организм по своей структуре слишком чуждый остальному европейскому миру, а интересы Британской Империи только в очень небольшой их части лежат в Европе. Россия больше относится к Азии, это мост между последней и Европой — Евразия, что же касается Англии, то интересы ее доминионов, соединяющие ее со всеми частями света, не позволяют ей тесно связать себя с вопросами европейской политики и экономики под угрозой отпадения от империи ее главнейших частей, в первую очередь, Канады.

15) По этому поводу напр. Сомари говорит, что теперешняя Европа представляет собой карикатуру того, чем бы она должна была быть. F. Somary, Wandlungen der Weltwirtschaft seit dem Kriege, Tübingen 1929, S. 73.

При таких условиях, беря пространство всех этих мировых об'единений и численность их населения (в миллионах душ и миллионах кв. клм.), мы получим по Куденхове следующую картину:

	Миллионов жителей	Миллионов кв. клм.
Пан-Европа с колониями	444,8	26,5
Британская Империя	465,3	40,2
Россия	138	21,2
Монгольские государства	522,4	11,8
Пан-Америка	211,6	29,9

Такая об'единенная Европа, стоящая по своей площади и численности населения на третьем месте, могла бы, благодаря своему посредствующему положению между Англией и Америкой с одной стороны, Россией и Востоком — с другой, точно также как благодаря традиции и способностям своих жителей, продолжать еще долгое время оставаться культурным центром земного шара [16]).

Осуществление такого европейского об'единения было бы вполне возможно, несмотря на теперешнюю раздробленность и противоречивость играющих в ней роль интересов. Ведь хотя Европа и не представляет географически отдельного континента [17]), являясь только полуостровом евразийского материка, но исторически, политически и еще более культурно она, несомненно, представляет собой сплоченное целое. Можно ведь в известном смысле говорить об европейской душе, созданной всем историческим и культурным прошлым. У европейской души — три измерения: христианство дало ей глубину, Эллада — протяженность в смысле внешней формы, германский мир — высоту в смысле силы. И все эти три измерения и элемента сходятся в одной точке европейской души: свободе. Ведь и христианская религия, и греческая культура, и германская раса — все индивидуалистичны. . . Поэтому и практическое построение европейского союза должно

16) Coudenhove, Pan-Europa S. 17—38. Цифры приведенной выше таблицы исправлены по данным „Kampf um Paneuropa“, Bd. III, S. 201.

17) Об отсутствии вполне определенного понятия „Европа“ см. O. Spengler, Der Untergang des Abendlandes, Bd. I, S. 22, Anmerkung, а также Coudenhove, Pan-Europa, S. 29.

быть восполнено органическим ростом европейской души: из общности крови, общности веры и общности судьбы [18]).

Что же мешает осуществлению Пан-Европы или ее конечного завершения — Европейских Соединенных Штатов? Лига Наций не может считать себя затронутой этой идеей, ибо она, только в ином масштабе и иными средствами, работает над осуществлением родственных целей мирового об'единения. Национальный антагонизм? Но Пан-Европа не отрицает национального начала, признает его полнейшую законность и не ставит своей задачей замену отдельных национальных культур каким-то их искусственным конгломератом, хотя и понимает, что теперешние европейские нации основаны не столько на общности крови, сколько на общности духа, что, с точки зрения истинно-культурного человека — так же как теперь принадлежность к той или иной религии, так и принадлежность к той или иной нации должна сделаться частным делом каждого [19]). Национальная самостоятельность не только не проигрывает, а скорее выигрывает при осуществлении Пан-Европы.

Ну, а в каком отношении к этому вопросу стоят главнейшие политические партии? Охватывая их общим взглядом, можно сказать, что все демократические партии являются скорее сторонницами пан-европейской идеи, и самая сильная из социалистических — социал-демократическая — включает ее в свою программу, как это официально сделала германская социал-демократия на своем партейтаге в Гейдельберге в 1925 году [20]). Также сочувствуют Пан-Европе и радикалы. Но эта мысль не стоит в противоречии и с идеалами консервативных партий, а католические партии, как это показывает хотя бы позиция германского центра или заявления лидера австрийских католиков, прелата Зейпеля, занимают по отношению к Пан-Европе весьма благожелательную позицию. Не против нее и аграрии. За то совершенно определенными врагами пан-европейского движения являются националистические шовинисты и коммунисты. Первые потому, что они не

---

18) Coudenhove, Kampf um Paneuropa, Band II, S. 55 und 65.

19) Paneuropa, S. 137 u. 147.

20) Das Heidelberger Programm. Grundsätze und Forderungen der Sozialdemokratie, Berlin, S. 61 u. 69.

могут себе представить любви к своему народу без ненависти и зависти ко всем остальным, вторые потому, что они стремятся не к мирному об'единению народов, а к их об'единению в пожаре мировой революции.

К этим определенным противникам присоединяются еще два других: милитаризм, противящийся пан-европейской идее из идеальных или практических соображений, и, наконец, промышленные организации, существование которых связано с покровительственными пошлинами и которые видят в их отмене свою гибель. Силу этой последней группы не приходится преуменьшать[21]).

Кроме прямых врагов есть много сомневающихся, равнодушных, противопоставляющих энтузиазму сторонников новой идеи свой безразличный обескураживающий скепсис. Но за то, рядом с ними, с каждым днем все более растет армия сторонников и сотрудников грандиозного начинания, все более захватывающего в свои ряды представителей умственного и духовного движения Европы. Они верят, что Европа, униженная в настоящее время вследствие безумия своих бессовестных руководителей, восстанет в близком будущем к новой жизни. Она соединит мудрость Востока с активной силой Запада, культуру прошлого с цивилизацией будущего. Из казармы Европа превратится в мастерскую и цветущий сад...[22]).

Вот, в кратких чертах, изложенная по преимуществу словами самого ее автора идея создания Соединенных Штатов Европы. В ней заложены главным образом две наиболее существенные задачи: 1) укрепление экономического положения Европы, особенно пострадавшего после войны, путем таможенного об'единения и 2) связанная в значительной степени с последним известная страховка против возникновения войны. Обе цели достаточно важны уже каждая в от-

---

21) Нет особой нужды распространяться о том, насколько настроена против проектов замирения Европы промышленность, изготовляющая вооружение. К сожалению, в литературе встречаются определенные указания, что английская промышленность этого рода оказала известное влияние на ход Женевских переговоров о разоружении, также как и на решения Вашингтонской конференции. См. Franz Carl Endres, La guerre des gaz, traduit de l'allemand par Raymond Henry, Paris 1928, p. 25—27, а также p. 84—85.

22) Kampf um Paneuropa, Bd. III, S. 59 ff.; Bd. II, S. 39.

дельности; их соединение открывает перед европейским человечеством, если только допустить, хотя бы на миг, их осуществимость, грандиозные перспективы. Стоит поэтому остановиться на них несколько подробнее.

III

Как мы можем легко заключить из изложения программы проектируемой Пан-Европы и ее обоснования, причины ее вызвавшие носят в значительной степени экономический характер. Сразу же вырисовывается ее связь с последствиями и результатами истекшей мировой войны, также как и опасениями пережить новое подобное потрясение. Эта война была таким грандиозным и беспримерным событием, что недаром кто-то в свое время в Бельгии сказал, что после всемирного потопа он не знает другого такого же великого события. Война эта оставила после себя Европу в состоянии экономического хаоса, от которого она и до сих пор далеко не вполне оправилась[23]).

Экономическое потрясение Европы, вызванное войной и ее последствиями, было поистине грандиозно. Разрушение налаженных связей мирового хозяйства, тяжелое положение ряда отраслей промышленности, потеря рынков и общие затруднения сбыта, дороговизна жизни, колоссальная безработица, крушение валют в ряде государств, общее обеднение населения — вот некоторые черты создавшегося после войны положения. Теперь оно понемногу восстанавливается, жизнь входит более или менее в свою колею, и мы начинаем забывать о пережитых тяжелых временах. Человеческая память коротка, но иногда все же необходимо вспомнить о прошлом и дать себе более ясный отчет о настоящем[24]). Для этого

23) М. А. Курчинскій, Европейскій хаосъ, Дерптъ 1925 (Acta et Comm. Univ. Dorp. B VII 4), стр. 4.

24) Экономический кризис Европы, как это показывает целый ряд посвященных этому вопросу исследований, сводится к двум главным группам причин европейских затруднений. Одна из этих групп относится к изменению внутриевропейских отношений, по сравнению с до-

нам стоит бросить хотя бы беглый взгляд на кривую экономического развития Европы после войны и на то, в каком отношении она находится к довоенному экономическому положению Европы. И вот, несмотря на то, что как будто бы жизнь несколько наладилась и со времени окончания войны прошло уже больше десятилетия, Европа и до сих пор не может достичь того, что было до войны и что, при более нормальных условиях, должно бы было быть давно превзойдено.

В этой области сравнение теперешнего положения, что вполне правильно, проводится всегда с довоенным временем, скажем, с 1913 годом, который в этом отношении представляется как бы исходным пунктом. Но дело в том, что тут еще следовало бы обращать внимание на ту тенденцию, которую до этого времени обнаруживала экономическая жизнь довоенной Европы. И вот, если взять кривую развития мирового хозяйства, то мы увидим, с начала XX столетия, почти повсеместный, иногда очень быстрый под'ем вверх. Росло количество зерновых продуктов, росла урожайность по отдельным странам, быстро развивалась промышленность, увеличивались и совершенствовались пути сообщения и особенно росла міровая торговля[25]). При этом, очень существенно отметить, что Европа занимала почти во всех областях доминирующее положение, хотя и намечалось увеличение конкуренции со стороны Америки, что указывалось в литературе уже с самого начала XX века[26]). С началом великой войны, и особенно после ее окончания, получился резкий перелом и перемещение центра тяжести экономической жизни. Европа потеряла значитель-

военным временем, и сводится в значительной степени к расчленению больших государственных и экономических целых на мелкие государственные образования с повышенными националистически-протекционистическими тенденциями, другая же — к изменениям внеевропейского порядка, а именно, заметным перемещениям на мировом рынке, вследствие неожиданно быстрого и сильного развития собственного производства и способности к конкуренции со стороны заморских стран. См. A. Hobelsperger, Europa im Abstieg, Weltpolitik und Weltwirtschaft seit 1913, Berlin-Grunewald 1926, S. 8. См. также J. Marchal, Union douanière et organisation européenne, p. 183 et suivantes.

25) Я не привожу здесь иллюстрирующих это положение соответственных цифр, но их можно найти в любых статистических справочниках и посвященных этим вопросам многочисленных экономических работах.

26) И. Х. Озеровъ, Америка идетъ на Европу, СПБ. 1903.

ную часть своего значения в области производства и торговли, которые перешли к другим частям света, особенно к Соединенным Штатам. Даже в тех случаях, когда мировое производство после войны снова дошло до довоенной нормы, как это имеет например место в отношении производства зерновых продуктов, участие в нем Европы упало совершенно катастрофическим образом. Если же взять снабжение теми же зерновыми продуктами европейских стран, всегда нуждавшихся в привозном хлебе, то получится такая картина: до войны они покрывали свою потребность в ввозе в размере 52 % зерном европейского происхождения и только 48 % зерном из других частей света. После войны это положение в корне изменилось. Среди ввозимого в их пределы зерна только 18 % идет из Европы, а 82 %, т. е. подавляющее количество, из-за океана. В этом изменении главнейшую роль сыграла замена на лондонском рынке русской пшеницы — американской. Заметный выход России из ее роли житницы Европы представляет для всего мирового оборота событие чрезвычайной важности[27]). Зависимость Европы в отношении снабжения хлебом от заморских стран увеличилась в громадной степени. Если взять, в качестве показателя экономического положения Европы, ее участие (в %) в общем мировом производстве и вывозе, сравнивая цифры 1913 и 1925 годов, то получим следующую картину. В 1913 году из всей суммы мирового производства на долю Европы выпадало 43,4 %, а в 1925 году — 38,7 %; то же самое мы видим и в отношении вывоза: в 1913 г. — 55,2 %, а в 1925 — 44,7 %. Неблагоприятное положение Европы было, конечно, самым старательным образом использовано другими частями света, в особенности Северной Америкой и отчасти Азией[28]). Это ухудшившееся экономическое положение Европы в деле воз-

---

27) Wl. Woytinsky, Die Vereinigten Staaten von Europa, Berlin 1926, S. 44—47. Отчасти это падение снабжения из европейских стран должно быть об'яснено аграрной реформой, имевшей место в России, Румынии, Сербии и других странах, понизившей в них количество зерна для вывоза, а в России, конечно, еще в большей степени, утвердившейся там политической системой. См. „Аграрная революция в Европе“, сборник статей под ред. проф. М. Зеринга, Берлин 1925, а также „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt“, herausgegeben von der Dresdener Bank, Berlin 1927, S. 17.

28) Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt, Berlin 1927, S. 125—129.

можности ее конкуренции на мировом рынке, потеря ею многих прежних районов сбыта, где за время войны возникло собственное прозводство или которые захвачены иными конкурентами, еще более усугубляется тем обстоятельством, что в то время как другие страны, в первую очередь Соединенные Штаты, выступают сомкнутым фронтом, Европа, вследствие ее внутренней раздробленности, принуждена вести борьбу еще внутри своих пределов и сама еще более осложняет этим свое положение [29]).

Финансовое положение Европы после войны тоже не блестяще. В то время как торговый баланс большинства европейских стран пассивен, в Канаде, Индии и прежде всего в Соединенных Штатах он является активным. Европа из мирового кредитора превратилась в должника, поменявшись в этом отношении положением с Америкой. Золото после войны отлило из Старого Света в Соединенные Штаты, являющиеся теперь богатейшей страной в мире. Их народное богатство, по достаточно достоверным оценкам, увеличилось с 1912 года вдвое, народный их доход на 1927 год приравнивается 90 миллиардам долларов, а их золотой запас составляет почти половину золота всего мира. Соединенные Штаты купаются в золоте [30]).

Этому падению в мировом масштабе экономического влияния Европы соответствует некоторое падение ее значения и в политической сфере. Относительная роль Соединенных Штатов в решении международных проблем значительно возросла, при чем это положение не может быть обосновано ка-

---

29) См. по этому поводу данные в статье Prof. A. Blaustein, Die Lage Europas und die europäische Zollunion в сборнике „Europäische Zollunion“, S. 268 ff., а также A. Demangeon, Le déclin de l'Europe и D. Houston, Mémorandum sur l'organisation rationelle aux Etats-Unis, publ. par la S. D. N. Кроме того Jean Cristu, L'union douanière Européenne, Paris 1928, p. 63—77.

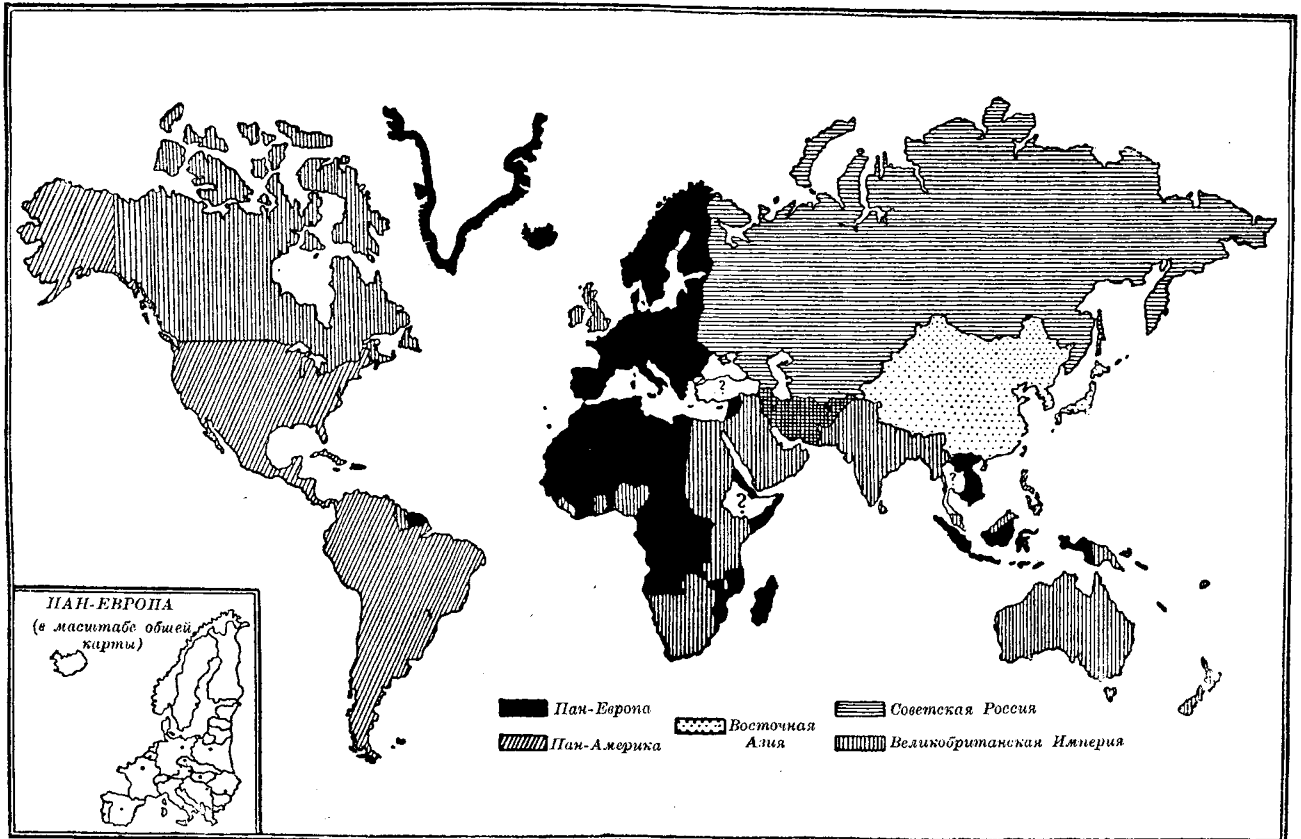
30) A. Hobelsperger, Europa im Abstieg, S. 58. По некоторым исчислениям даже больше половины: см. v. Schulze-Gaevernitz, Amerikas Überimperialismus, в сборнике „Festgabe für L. Brentano“, Bd. I, S. 118. Несмотря на эти внешние признаки богатства Соединенных Штатов, условия жизни там и вообще уровень существования семей среднего достатка заставляет желать лучшего и, во всяком случае, не выше, а скорее ниже западно-европейского. При этом, несмотря на чрезвычайное стеснение иммиграции, безработица в Америке обнаруживает тенденцию к возрастанию. См. Dr. Felix Somary, Wandlungen der Weltwirtschaft etc., S. 36—38.

ким-либо духовным преимуществом Северной Америки, которая, наоборот, в духовном отношении, за исключением узкоделовой области, не отличается особым богатством, живя и в области искусства, и в области литературы, в значительной степени и в области науки на счет „потерпевшей крушение“ Европы. Характерно, что и в чисто финансовой области Америка не оказалась на той высоте, которую можно было бы ожидать от страны, занявшей доминирующее положение на мировом денежном рынке. Нью-Йорк стал теперь руководящим центром денежного хозяйства, отняв эту роль у Лондона и Парижа. И европейские финансовые круги, подавленные мощью американского капитала, гипнозом того грандиозного золотого резервуара, которым являются Соединенные Штаты, признали американскую гегемонию и непререкаемый ее авторитет в денежно-хозяйственной области. — Но, как это показал разразившийся в конце октября 1929 года (24/X) крах на нью-йоркской бирже, и в этом отношении американский мир оказался не на высоте. Без всяких разумных поводов, исходя только из соображений спекуляции, была создана своего рода „инфляция“ бумажных ценностей американских акционерных обществ, поведшая к необычайному падению их курса и грандиозному потрясению в биржевой сфере. Авторитет американских финансовых деятелей оказался тоже далеко не таким непререкаемым, как это думали ослепленные блеском американского золота европейские банкиры и дельцы. И тут, м. б., старая Европа сохраняет свое значение, основанное на знании, долгом опыте и более культурных навыках.

Такое положение вызвало попытки восстановления утерянной Европой роли ее в мировом хозяйстве путем ее консолидации, путем уничтожения губящей ее разрозненности и взаимной борьбы составляющих ее частей. Одной из таких попыток и является изложенная нами выше идея создания Пан-Европы, которая сводится, в первую очередь, к образованию общеевропейского таможенного союза.

Каковы его границы по проекту Куденхове-Калерги, мы уже знаем. Он исключает из намеченного им об'единения Британскую Империю и Россию. Остается, таким образом, европейский континент до теперешних границ СССР и все европейские колонии (за исключением великобританских) [см. карту Пан-Европы на стр. 23], т. е. довольно внушительное

Пан-Европа и остальные страны (по Р. Н. Куденхове-Калерги).

Пан-Европа {26,5 милл. кв. клм; 444,9 милл. жит. Пан-Америка {29,9 м. кв клм.; 211,6 м. жит. Вост. Азия {10,8 м. кв. клм.; 532,8 м. жит. Россия {21,2 м. кв. клм.; 147 м. жит. Великобритания {40,2 м. кв. клм.; 465,3 м. жит.

целое, охватывающее бо́льшую часть Европы, значительную часть Африки и небольшие пространства в Азии.

IV

В более позднее время Куденхове стал менять свою первоначально очень ригористическую точку зрения в отношении Англии и России. Продолжая настаивать на невозможности их полного и безоговорочного включения в проектируемый им союз, он стал уже исходить не только из известных соглашений с ними, которые, особенно в отношении вопросов взаимной безопасности, считались им относительно Англии с самого начала необходимыми, но и вообще из более прочных связей для обеспечения общего мира.

Мы знаем уже те причины, по которым Куденхове не желал включить Англию в свою пан-европейскую систему: она связана своими колониями со всеми частями света и является более мировым, чем европейским государством. К тому же Англию удержат от этого шага ее доминионы.

Что касается несколько романтического стремления доминионов к ревнивому исключению Англии из всяких комбинаций, об'единяющих ее с какими-либо другими странами за пределами Британской Империи, то трудно предполагать в подобного рода вопросах, затрагивающих в первую очередь экономические интересы, такие чисто-психологические побуждения. Экономические же последствия для доминионов от вхождения в европейский союз были бы несомненно выгодные, ибо расширили бы для них возможности облегченного приобретения и сбыта товаров (если допустить полную свободу торговли в пределах союза или нечто к ней приближающееся) по сравнению с тем, что существует в настоящее время[31]).

---

31) В этом отношении, наоборот, некоторые исследователи считают, что именно Великобритания, вследствие своей связи с доминионами, явилась бы силой, облегчающей создание европейского таможенного об'единения. См. J. Marchal, Union douanière et organisation européenne, Paris 1929, p. XII (Préface du prof. L. Brocard), а также p. 123—124.

Если же брать положение самой метрополии, то ее экономические интересы в Европе, в смысле вывоза английских товаров, значительно превышают таковые же в доминионах. Именно (в 1924 году) из английского вывоза в доминионы (Канаду, Южную Африку, Австралию и Новую Зеландию) шло 17,54 %, в то время как страны европейского материка поглощали 31,0 % английского вывоза[32]), и таможенные облегчения в этой области, таким образом, значительно перевесили бы тот ущерб, который понесла бы Англия от уничтожения своих таможенных привилегий в доминионах.

Европейские же страны, связанные с Англией достаточно оживленными торговыми сношениями, получили бы от ее включения в свой союз несомненную выгоду. Главное же, не нужно упускать из виду, что Великобритания представляет собой государство „в пределах которого никогда не заходит солнце“, и что для Пан-Европы через Англию была бы закреплена связь с английскими колониальными владениями, продукты которых имеют очень большое значение для европейской промышленности.

Затем не нужно вообще забывать, что Англия представляет собой своего рода мост между континентальной Европой и остальным миром; обрывать связь Европы с Англией значило бы в значительной степени затруднить сношения с рядом тропических стран, без которых невозможно экономическое развитие Европы. Кроме того, при неучастии Англии в европейском таможенном союзе, колониальная проблема, в которой и так-то немало затруднений, невероятно бы осложнилась. Наконец, приходится принять во внимание, что подобного рода союзу европейских наций без участия Англии грозила бы несомненная опасность превратиться в союз против Англии.

Но если для Европы представляло бы большое значение включение в свой союз великой островной державы, то вхождение в него было бы не менее важно и для самой Англии. Ведь, несмотря на свои внеевропейские интересы и свое несколько обособленное положение, она, тем не менее, во всей своей колониальной политике опирается на авторитет европейского влияния и европейских наций, без чего у ее политики была бы выбита из-под ног необходимая опора.

32) См. Woytinsky, op. cit., S. 161. То же самое приблизительно и по французским источникам: см. J. Marchal, op. cit., p. 197.

Отрыв от остальной Европы и в экономическом отношении и создание между континентом и английскими островами более подчеркнутой таможенной границы едва ли бы соответствовали интересам Англии, связи которой с материковыми государствами с каждым днем все более укрепляются[33]). Предпосылкой экономического преуспеяния Англии является сильная, развивающаяся, об'единенная Европа, возможная в полном об'еме только при условии вхождения в это об'единение ее самой. Вот ряд оснований, говорящих против исключения из состава Пан-Европы Британской державы. К ним можно было бы прибавить еще немало других, в роде хотя бы усиленного тяготения к Англии северных стран, которые едва ли бы согласились, входя в европейское об'единение, отказаться от сохранения особо близких связей с могущественной соседкой. Все это, очевидно, заставило и самого Куденхове, с течением времени, значительно ослабить свою первоначальную позицию[34]).

Совершенно иная картина вырисовывается в отношении России. Возражения против ее включения в проектируемый союз были сразу же гораздо более сериозными. Можно сказать даже, что своего рода панический страх перед нею и явился одной из главных побудительных причин к возникновению самой идеи пан-европейского об'единения.

Главную опасность для Европы представляют, по мнению Куденхове, два государства: в экономическом отношении — Америка, в военном — Россия. Сама Европа не надеется на свои силы и желала бы получить помощь извне: с востока или с запада. Но эти надежды оказываются напрасными: Россия хочет ее завоевать, Америка — купить.

Против той и другой опасности должно быть направлено пан-европейское об'единение, и само собой разумеется, без включения в него России. И это совершенно понятно, ибо Российская мировая держава, по причине переустройства своей внутренней структуры, вышла из пределов Европы[35]). В то время

33) После мировой войны они еще более усилились: см. ст. Heuss'а в „Europäische Zollunion“, S. 34.

34) Иную точку зрения в отношении вхождения Англии в европейский союз выдвигает W. Guerge, Paneuropa und Mitteleuropa, Berlin 1929, S. 24.

35) Точно также и французский комитет изучения вопроса о таможенном об'единении Европы в изданной им в 1928 году схематической карте внешних границ будущей ассоциации не включил в нее Советской России. J. Marchal, op. cit., p. 198.

как царская Россия была еще европейским государством с азиатскими колониями, теперь Россия — союзное государство без колоний, бо́льшая часть которого расположена в Азии и ме́ньшая в Европе. Советская Россия представляет собой евразийское государство, тяготеющее к Азии, и восточной границей Европы теперь является уже не Урал, а политическая граница, отделяющая Советскую Россию от демократически организованных лимитрофов.

Куденхове считает всякую вообще Россию самой большой военной опасностью для Европы. Прежняя царская Россия, вследствие своей тенденции к расширению, угрожала Европе, еще большей угрозой является теперешняя Советская Россия, и, при продолжении теперешней европейской политики, ей грозит в будущем русское нашествие с установлением диктатуры, все равно какой — белой или красной. Вспоминая исторические параллели, можно сказать, что Россия по отношению к Европе является тем же, чем являлась по отношению к древней Греции Македония: она готовится к ее завоеванию.

Весь центр европейского вопроса заключается в русской проблеме. Главной целью европейской политики должно являться противодействие русскому вторжению, которому можно воспрепятствовать только об'единением Европы. История ставит Европу перед альтернативой: или, преодолев все национальные противоречия, найти дорогу к союзу государств, или пасть жертвой русского завоевания. Третьего выхода для Европы не существует [36]).

Так трагично рисуется Куденхове положение в настоящем. Но и вообще наступление на Запад было, по его словам, всегдашним лозунгом русской политики еще со времен Петра Великого. После целого ряда более или менее удачного продвижения по этому пути, Россия натолкнулась на успешное сопротивление центральных держав и принуждена была остановиться. Мировая война окончилась подрывом могущества тех государств, которые составляли как бы своего рода европейский вал против России, но и Россия оказалась ослабленной. Как только она оправится от своей внутренней катастрофы, она будет продолжать свое наступление в прежнем направлении, а расчлененные и ослабленные

36) Paneuropa, S. 53—54.

ее соседи не будут в состоянии задерживать ее победного движения, которому открыты все пути до Рейна, Альпийских гор и Адриатического моря. Но и эти границы были бы только переходным этапом, и Россия, после некоторой мирной передышки, завоевала бы после центра Европы и ее западные части. Тогда на Европе воочию исполнились бы стародавние судьбы Греции.

Вот в каких панических красках представляет себе Куденхове русскую военную опасность! И при этом он принимает ее совершенно в сериоз. Как непосредственно близка эта угрожающая Европе опасность, говорит он, явствует из того факта, что Россия в течение одного десятилетия „дважды делала попытку захватить гегемонию в Европе: первый раз благодаря мировой войне, второй раз — при помощи мировой революции. Если бы в 1915 году Николай Николаевич завоевал Берлин и Вену, то он диктовал бы условия мира, и Европа лежала бы у его ног. . . Если бы в 1919 году Либкнехт победил в Германии, то эта последняя присоединилась бы к Московскому союзу; Италия и Балканы также последовали бы ее примеру, как Венгрия, и Ленин стал бы повелителем всей Европы“ [37]).

Между тем не нужно упускать из виду, что в промежутке между 1915 и 1919 годами в России все переменилось, но только не ее стремление к расширению своих пределов. — Так несколько упрощенно представляет себе русскую иностранную политику Куденхове, а его примеры, построенные на „если“, несколько наивны, ибо таким путем можно доказать все, что угодно; но тем не менее он твердо уверен, что „красная Россия, так же как до того белая, вооружается для нового продвижения народов по следам Аттилы и Чингиз-Хана!“ [38]).

Но для того, чтобы испытывать такой страх перед теперешней Советской Россией, нужно верить в ее быстрое восстановление. Куденхове в нем и не сомневается. „Тяжелое теперешнее положение России“, утверждает он, „не должно успокаивать Европу, так как время работает за Россию и против Европы... Как бы ни сложилось ближайшее будущее для России, она раньше или позже будет снова великой, могущественной и

37) Paneuropa, S. 55—56.
38) Op. cit., S. 57.

богатой"[39]). От грозящей ей гибели у Европы есть только два выхода: или свободное об'единение путем пан-европейской федерации, или принудительное — благодаря русскому завоеванию. К такому концу может повести не только прямое нападение со стороны России, в которой после революции может появиться русский Наполеон, но и всякое вообще военное столкновение в пределах Европы, отчасти могущее быть ускоренным тем, что поставленная в тяжелые условия Германия будет искать себе опоры у красной России, или что в одном из более мелких европейских государств разгорится гражданская война, которая поведет к всеобщей военной катастрофе[40]). Но, как бы ни окончилась будущая европейская война, одно можно сказать с уверенностью, что одна держава выйдет из нее в качестве победителя — это Россия, а Европа, потеряв свои колонии, обанкротившаяся, обнищавшая и задолженная, падет в жертву русскому нашествию[41]).

Для того, чтобы Россия представляла такую опасность уже в настоящем, нужно быть уверенным, что ее теперешняя политическая и экономическая система не только не губит и не задерживает ее естественного роста, но, наоборот, дает ей возможность успешно развиваться. Куденхове считает, что у теперешней Советской России перед Европой есть все же преимущество, заключающееся в ее политическом и экономическом единстве. Он искренне убежден, что Россия является истинной федерацией и разрешила в своих пределах национальный вопрос, а советская армия, в эпоху водительства Троцкого, так же превосходила численно любую европейскую армию, как в свое время царская армия императора Николая II[42]), и что теперешняя политическая ее система может считаться вполне стабилизованной[43]). Такая уверенность в подобной стабилизации может быть об'яснена у Куденхове тем, что в отношении России его информаторами были с одной стороны, как он выражается, „один из вождей Советской России" Раковский, а с другой стороны... Керенский, на авторитет которых он в одном месте своей книги и ссылается. Факты

---

39) Kampf um Paneuropa, Bd. III, S. 143.
40) Paneuropa, S. 24 u. 101.
41) Paneuropa, S. 17.
42) Paneuropa, S. 56.
43) Kampf um Paneuropa, Bd. II, S. 77.

необычайного развала советского хозяйства и невероятных условий советского режима его нисколько не смущают. Во-первых им можно не придавать особого значения вообще, а во-вторых дело идет ведь о таком в высокой степени некультурном народе, как русский. Его можно бояться, но о нем не стоит особенно заботиться! В этом отношении Куденхове разделяет взгляды многих других просвещенных европейцев!

Да и к тому же Россия — это Евразия, сама не желающая об'единения с Европой, которому она не хочет приносить в жертву особенностей своего строя и своих задач, — в этом уверили Куденхове те же авторитетные свидетели, Раковский и Керенский. Поэтому нужно, в интересах всеобщего мира, как можно скорее признать теперешнюю русскую власть и усиленно содействовать, очевидно через ее посредство, экономическому возрождению России, нисколько не сомневаясь, конечно, что эта власть работает якобы для блага и возрождения русского народа [44]).

Но все же, несмотря на все эти обстоятельства и весь ужас перед русской опасностью, а может быть даже благодаря ему, нужно, хотя и не вводить Россию в пан-европейский союз, но заключить с ней обеспечивающий Европу от нападения гарантийный пакт. Кроме же того не следует забывать, что Россия — громадная сельскохозяйственная страна и необозримый рынок для европейской промышленности: поэтому „политические вопросы должны отступить перед хозяйственными и политика должна диктоваться экономикой“ [45]). Это Куденхове знал уже при первоначальной выработке своей программы, а в дальнейшем эта мысль в нем еще более укрепилась. Поэтому в позднейших своих заявлениях он и подчеркивает, во всяком случае, необходимость более или менее прочного соглашения с Россией, в то время как по отношению к Англии, как мы знаем, первоначальная его точка зрения изменилась в еще гораздо бо́льшей степени, и он теперь скорее уже склоняется к включению Англии в пан-европейский союз, буде она этого пожелает [46]).

---

44) Paneuropa, S. 111.

45) Paneuropa, S. 63.

46) Kampf um Paneuropa, Bd. II, S. 47 и Bd. III, S. 9.

Сколько-нибудь об'ективное разсмотрение вопроса с экономической точки зрения заставляет нас притти к совершенно обратному заключению, что невключение России в пан-европейский союз явилось бы несомненно очень большой и необдуманной ошибкой. Это явствует из самой идеи такого союза, представляющего, в первую очередь, таможенное об'единение входящих в него государств, отделяющее их, как некое законченное целое, от остального мира. Такое целое, не ставящее своей задачей отрыв от других частей света и поддерживающее с ними, может быть, очень оживленные торговые сношения, тем не менее должно поставить своей целью быть как можно более независимым от них, иметь в своих пределах все наиболее необходимое для своей жизни и развития. Для этого входящие в него отдельные части должны экономически по возможности дополнять друг друга.

Рассматривая с такой точки зрения пан-европейский союз, как его намечает Куденхове, мы видим, что входящие в него государства в достаточной мере снабжены железом, каменным углем, цветными металлами, деревом и водяной силой, но в их экономическом базисе не хватает двух очень существенных элементов: они бедны сельскохозяйственными продуктами и жидким минеральным топливом. Только расширение границ союза далеко на восток, только включение в него России может обеспечить этому союзу достаточное снабжение зерновыми продуктами и нефтью [47]).

---

47) Это обстоятельство ясно и для большинства сколько-нибудь вдумчивых западно-европейских исследователей. Так, например, в своей книге „Paneuropa und Mitteleuropa" (Berlin 1929) Dr. W. Guerge пишет, что в то время как Соединенные Штаты, если теоретически допустить исчезновение всех остальных стран, продолжали бы спокойно существовать, жители европейского континента, при невключении в него России, будучи ограничены произведениями только своей почвы, принуждены были бы испытывать нужду (o. c. S. 33). Еще более определенно высказывается на этот счет Lederer. По его мнению Европу, как экономический организм, как единство рынка, можно себе представить только в соединении с Россией: „Европа без России — только известная конструкция, Европа с Россией, сообразно с современной структурой хозяйственных образований, представляет собой жизнеспособный организм". Lederer, Russland in der Weltpolitik, Neue Rundschau, Juni 1926, S. 514 ff.; см. также N. Benckiser, Das Problem der staatlichen Organisation der Weltwirtschaft, Karlsruhe 1927, S. 55 ff.

От такого включения в равной степени выиграют обе стороны. Об'единение с Россией не только гарантирует Европе получение недостающих пищевых продуктов и иного сырья, но и открывает перед ней необозримый рынок для сбыта продуктов европейской промышленности. Вместе с тем уменьшается нужда Европы в поступлениях продуктов с заморских рынков и, таким образом, ослабляется зависимость от Америки, конкуренция которой для Европы представляется особенно опасной.

Рядом с этим, конечно, такое более тесное соединение Запада с Востоком содействует известной культурной и экономической ассимиляции между ними и является более прочной мирной гарантией не только в отношении границы, перерезающей Европу от Балтийского до Черного моря, но и более отдаленных границ, где европейский союз приходит в соприкосновение с азиатским миром.

Выгоды России (мы говорим сейчас о ней, безотносительно к существующей в ней правительственной власти, как об известном национально-государственном и экономическом целом) были бы от такого решения вопроса тоже совершенно очевидны. При всех таящихся в ее недрах возможностях быстрого экономического прогресса, Россия является достаточно отсталой в промышленном отношении страной; более легкое снабжение ее хозяйства недостающими продуктами европейского производства помогло бы быстрому восстановлению и дальнейшему развитию русского народно-хозяйственного организма.

Но и в другом отношении, в отношении культурного взаимодействия, более близкое соприкосновение с Западной Европой, если только не исходить из представлений о какой-то особой евразийской самобытности, возобновило бы снова возможность движения по тому пути, который представляется, еще начиная с Петра Великого, наиболее естественным для молодого развивающегося народа, поставленного в необходимость воспользоваться более ранним и длительным опытом своих соседей.

Но, конечно, не приходится закрывать глаз на большое количество выдвигающихся на пути подобного рода об'единения трудностей. Я подчеркиваю здесь, что при этом не следует исходить из особенностей того экономического и

политического строя, под гнетом которого в настоящее время изнемогает Россия. Планы того об'единения, о котором мы сейчас говорим и глашатаем которого выступает Куденхове-Калерги, рассчитаны ведь на долгий срок и не могут исходить из временно сложившейся политической ситуации. Советская власть исчезнет, а Россия останется!

Говорить обо всех этих возможностях приходится, главным образом, принимая во внимание Россию, освободившуюся от советского ига. Но, даже и при его наличии, возможно было бы все же обсуждать ту или иную осуществимость включения России в орбиту Пан-Европы.

Препятствием к включению России в пан-европейский таможенный союз является сейчас не столько теперешнее состояние ее промышленности, которая, в конце концов, несмотря на все свои уродливые особенности, все же может быть поставлена в параллель с западно-европейской, сколько та установленная советской властью самоблокада, которая носит название монополии „Внешторга".

Эта губительная для русского народного хозяйства и русского населения система, связывающая народное хозяйство и заставляющая население быть лишенным самых необходимых предметов, ввозить которые не разрешает советская власть, несомненно была бы ослаблена под давлением пан-европейского союза, который, действуя сплоченно вместо теперешней взаимной конкуренции европейских государств, содействовал бы уничтожению указанной системы, а затем и падению советского режима или его эволюции, в которую верят некоторые малоосведомленные люди. Экономический нажим со стороны об'единенной Пан-Европы, заставляя Россию войти в известные соглашения, был бы, таким образом, благодетельным для всего русского народа.

Конечно, в деле включения России в пан-европейский таможенный союз, даже и при восстановлении в русской экономической жизни нормального порядка, было бы немало трудностей, об'ясняемых, в первую очередь, отсталостью русского народного хозяйства и особенно ее промышленности. Вступление России в союз, при полном господстве в нем принципов свободной торговли, было бы равносильно гибели русской промышленности, и так уже страшно ослабленной после войны и большевицкого опыта. Но не нужно забывать, что полная свобода торговли внутри намечаемого союза — это только

более или менее далекий идеал даже и для Западной Европы, к которому придется итти постепенно; по отношению же к некоторым его членам, в том числе, в первую очередь, русскому народному хозяйству, пришлось бы пойти на особые уступки, обеспечивающие только постепенное вхождение этого последнего в новые для него условия[48]). Но как бы там ни было, а для каждого сколько-нибудь об'ективного исследователя ясно, как это все более признают и на Западе, что „в руках России лежит ключ к разрешению европейской хозяйственной проблемы“ [49]) и что без восстановления нормального экономического порядка в России полное экономическое оздоровление Европы совершенно невозможно.

Некоторые по этому поводу, однако, возражают, что во-первых, как бы там ни было, а Европа все-таки обходилась в течение всего ряда военных, а отчасти и послевоенных лет без русского народного хозяйства, а во-вторых, что и вообще участие России в мировой торговле всегда было относительно довольно скромным.

Но на первое из этих возражений приходится ответить, что весь этот не только военный, но и послевоенный период для Европы и даже всего мирового хозяйства нельзя считать нормальным; мировое народное хозяйство в это время переживало тяжелую болезнь, перенося один кризис за другим: крушение валют в ряде стран, постоянную безработицу громадных масс населения, ряд промышленных и торговых кризисов, общее обеднение и т. д. Конечно, все эти явления вызваны не одним только фактом выпадения России из международного хозяйственного оборота, но несомненно, что и это последнее сыграло в этом отношении очень заметную роль.

По второму вопросу нужно принять во внимание, что, при всей относительной скромности участия России в оборотах мировой торговли, это участие, взятое в абсолютных числах, было все же громадно и его не так-то легко, а вернее и совершенно невозможно возместить. Да и если торговые обороты России, по сравнению с ее необ'ятными размерами и численностью ее населения, были относительно скромными,

48) Wl. Woytinsky, Die Vereinigten Staaten von Europa, S. 163—168.
49) A. Hobelsperger, Europa im Abstieg, S. 62.

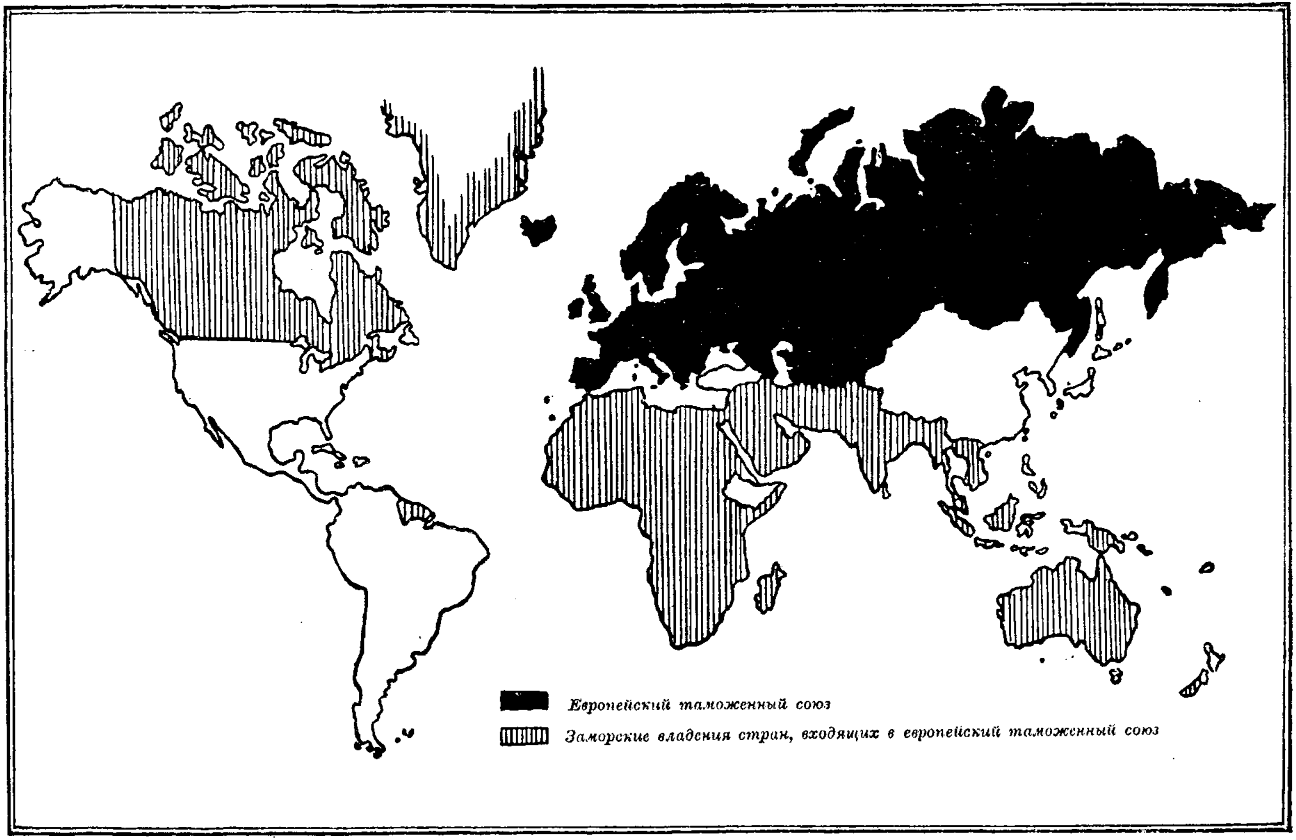
то не нужно забывать, что зато в некоторых областях мировой торговли ее роль и значение были руководящими, и выход России из игры переместил центр тяжести мировых сил к невыгоде для Европы.

Так мы знаем, что общий оборот по внешней торговле России составлял до войны (1913 г.) около 4 % (3,9 %) всего мирового оборота, представляя сумму в 6 миллиардов 195 миллионов золотых германских марок, или около 3 миллиардов золотых рублей, что равнялось приблизительно половине внешних торговых оборотов Франции и одной трети оборотов Германии[50]). Это очень большая сумма сама по себе. Но особенно заметным становится значение России, если мы возьмем евро пейский или даже мировой рынок зерновых продуктов, т. е. одного из главнейших факторов питания населения; тут роль России была в прежнее время совершенно исключительной, а временное ослабление ее участия в международном снабжении необычайно увеличило зависимость Европы от заокеанских рынков, как мы это уже отмечали выше[51]).

Но кроме того значения, которое представляли в прошлом и могли бы представлять в настоящем русское народное хозяйство и русский рынок, как громадный резервуар для доставления сырья и для сбыта европейских товаров, не нужно еще более упускать из вида тех перспектив, которые открываются для будущего. Россию неоднократно называли страной „неограниченных возможностей“; можно быть уверенным, что после своего возрождения, преодолев тяжелый недуг, которым она теперь болеет, Россия откроет миру совершенно невиданные экономические перспективы американского масштаба. При таких условиях экономическая связь с нею остальной Европы, т. е. включение России в пан-европейский союз, было бы само собой диктующеюся необходимостью. Исходя из сознания такой необходимости, также как и связи Европы с Англией, перед нами рисуется совершенно иная картина Соединенных Штатов Европы, которую дает в своей посвященной этому вопросу работе Войтинский[52]). В ней он предполагает соединение всей Европы, включая и Россию с ее азиатскими владе-

50) Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt, S. 130—133.
51) Стр. 19—20.
52) W o y t i n s k y, op. cit., S. 167.

Соединенные Штаты Европы (Woytinsky, op. cit., S. 167).

Европейский таможенный союз {26,3 милл. кв. клм. 480 милл. жит.

Заморские владения стран, входящих в европейский таможенный союз {52,7 милл. кв. клм. 515 милл. жит.

ниями, в общий союз, паролем которого является широкое об'единение „от океана до океана“. Все заморские европейские колонии он выделяет в особую категорию, предлагая рассматривать вопрос о них отдельно, не нарушая, однако, связей, соединяющих их с их европейскими метрополиями. Получаются тогда четыре группы: 1) европейские соединенные штаты, 2) европейские колонии и страны, находящиеся под европейским влиянием (Персия, Афганистан и т. д.), 3) монгольские государства (Китай и Япония) и 4) Пан-Америка (см. карту на стр. 36). Конечно, как это отмечает сам автор, действительность может оказаться очень далекой как от плана Куденхове-Калерги, так и от только-что представленного, но, во всяком случае, это один из возможных вариантов тех проектов, которые рисует себе сейчас европейская общественно-политическая мысль [53]).

Я лично думаю, что правильнее было бы не ставить европейских колоний отдельно, как это делает в своей карте Вл. Войтинский, а смотреть на них как на одно экономическое целое с их метрополиями. Ведь, совершенно не затрагивая вопроса о степени политической самостоятельности или внутренней автономии колоний, хотя бы, например, постановки их всех в положение английских доминионов, все сторонники об'единения Европы исходят из предположения о вхождении европейских колоний в общий экономический союз европейских государств. Это, конечно, не представляет собой вопроса об их немедленном и полном вхождении в этот союз, также как, впрочем, и относительно отдельных европейских стран, а лишь намечает общую линию предположенного развития. Ведь только такое условие поставило бы проектируемое об'единение на вполне твердый экономический фундамент в смысле полной возможности самостоятельного промышленного развития. Тогда, при таких условиях, у нас получились бы три группы больших экономических целых:

1) европейские соединенные штаты, вместе с колониями об'единяющие Европу, Африку, Австралию, значительную часть

---

53) Есть еще и другие подобные проекты, как, например, карта, опубликованная в 1928 году особым Comité français d'études pour l'Union douanière européenne, в которой предполагается об'единение 26 европейских государств, но без включения в об'единение СССР. См. J. Marchal, op. cit., p. 193 et 198.

Азии, а отчасти также и Америки, которые заключали бы в своих пределах 88,1 миллионов кв. километров площади и 1092,6 миллионов, т. е. более миллиарда жителей, 2) восточно-азиатские страны — с 11,2 милл. кв. клм. площади и 532,8 миллионами жителей и, наконец, 3) Пан-Америку с 30,5 милл. кв. клм. площади и 220,1 миллионами жителей. В таком именно смысле могли бы быть видоизменены карты будущей организации, предположенные Куденхове и Войтинским. Тогда мы имели бы перед собой в виде Соединенных Штатов Европы, если к ним причислить еще и страны, находящиеся под европейским влиянием, как Персию и Афганистан, грандиозное целое, значительно превосходящее другие две группы и открывающее самые широкие перспективы для дальнейшего развития и устранения возможности опасных междугосударственных конфликтов. При таких условиях получается новая карта в следующем виде (см. карту на стр. 39).

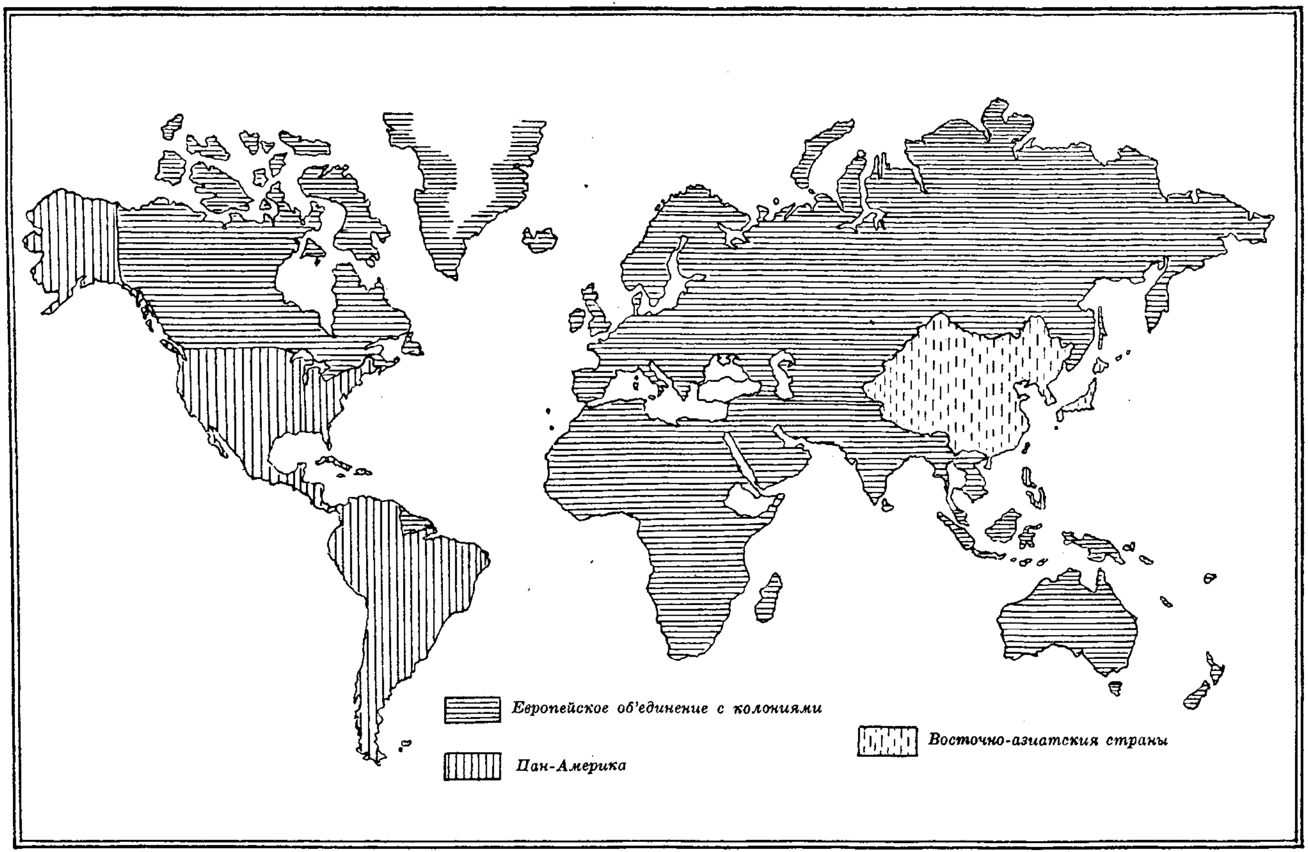
V

Все эти планы, о которых мы достаточно подробно говорили в предшествовавшем нашем изложении, исходят из идеи европейского таможенного союза, являющегося основой всего намеченного об'единения, разрешающего ту тяжелую экономическую проблему, над разгадкой и улажением которой работает сейчас европейская общественная мысль.

Но, наряду с все более проникающим в умы сознанием важности, а, м. б., даже и неизбежности такого союза, к которому приходится всеми силами стремиться, видя в нем, м. б. и трудно достижимый, но все же крайне желательный идеал дальнейшего устроения европейской жизни, немало раздается голосов, которые находят подобного рода планы совершенно неосуществимыми, какой-то праздной утопией, а, м. б., в известном смысле и нежелательными.

Среди такого рода возражений одно из первых мест занимают указания, что создание европейского таможенного союза повело бы с безусловной неизбежностью к потере входящими в него государствами их суверенных прав. „Евро-

Европейское об'единение с колониями и его соотношение с остальным миром.

Европейское об'единение с колониями	м. кв. клм. 88,1 м. жит. 1092,6	Пан-Америка	м. кв. клм. 30,5 м. жит. 220,1	Восточно-азиатские страны	м. кв. клм. 11,2 м. жит. 532,8	Страны вне об'единений (Абессиния, Турция, Сиам)	м. кв. клм. 2,6 м. жит. 30

пейский таможенный союз неизбежно повел бы к образованию надгосударственной организации европейских стран и, таким образом, лишил бы эти последние их самостоятельности." Теперешние европейские государства должны были бы, при таких условиях, добровольно превратиться в автономные провинции одного общего высшего целого или европейского союзного государства. И даже еще более — таможенное об'единение якобы грозит с вышеуказанной точки зрения не только государствам, оно грозит и отдельным нациям, выдвигая перед ними опасность денационализации [54]).

Но и кроме этого наиболее общего возражения, у противников европейской таможенной унии находится немало других. По их мнению, те же цели, что и таможенным союзом, могут быть достигнуты установлением принципа свободной торговли. Между тем европейское об'единение даже и не думает о таком пути, наоборот, оно принуждено будет удержать на своих внешних границах высокие таможенные пошлины, ибо едва ли его участники смогут отказаться от получавшихся ими до сих пор таможенных доходов, составлявших, например, во Франции 8 %, а в Германии $8^1/_2$ % государственного бюджета [55]).

Но самый главный вопрос, который может быть поставлен об'единению, по мнению его противников, это необходимость ответить, что же даст в действительности такое об'единение европейских государств? Его сторонники ожидают от него, уже вследствие одного факта экономического соединения теперешних 35 государств Европы с общим для них внутренним рынком, увеличения сбыта и облегчения экономических оборотов. Но, возражают противники, увеличение сбыта может происходить, главным образом, не вследствие размеров рынка, а лишь — степени богатства его населения, увеличения его покупательной способности. Но почему же эта последняя должна возрасти в связи с созданием таможенного об'едине-

54) G. Stolper, „Europäische Zollunion", S. 46, 58 u. 59. По мнению же некоторых исследователей, именно чрезмерно развитой национализм и препятствует таможенному об'единению Европы. F. Somary, op. cit., S. 76.

55) Однако, при постепенном понижении таможенных пошлин, а не уничтожени их с одного удара, о чем серьезно никто не думает, эти затруднения в значительной мере отпали бы. См. Jean Cristu, op. cit., p. 267.

ния? Не величина рынка сама по себе, а усиление покупательной способности, а вместе с тем и возможности покупать произведения чужих стран, определяют размеры международного торгового оборота.

Наконец, говорят, что экономическое об'единение Европы будет содействовать взаимному приспособлению производства различных стран, повышению производственной техники и, таким образом, более рациональной экономической организации отдельных народных хозяйств. Менее выгодно поставленные отрасли производства в тех или иных странах будут ликвидированы, но зато получится выгода разделения труда в общеевропейском масштабе, что еще более будет облегчено международными трёстами и синдикатами. Однако противники рассмотренной нами идеи очень сомневаются, чтобы европейская промышленность в тех или иных отраслях пошла легко на такое самопожертвование, чтобы занятые в ней рабочие были склонны проявить такой героизм отказа от привычного рода заработка в угоду будущему развитию всего европейского хозяйства.

Кроме того, разница в экономическом положении отдельных стран, их различие в правовой, налоговой и других областях должны были бы стать на пути всем подобного рода мероприятиям. Таможенное об'единение представляло бы собой угрозу для более слабых народных хозяйств и весьма ощутительный тормаз для более сильных. Поэтому в общем итоге можно сказать, что хозяйственное развитие мира едва ли может быть поставлено на рельсы европейского таможенного союза не только в настоящем, но и в будущем[56]).

Но эти возражения, можно сразу же сказать, идут слишком далеко и часто бьют мимо цели. Конечно, европейский таможенный союз не обогатит сразу населения Европы и не увеличит во много раз его покупательную способность, также как и произ-

56) См. особенно F. Eulenburg в „Europäische Zollunion“, S. 109—121 и его же „Aussenhandel und Aussenpolitik“, Tübingen 1929, S. 198—201. Вопреки этому мнению, другие авторы, как хотя бы Сомари, думают, что выход Европы из создавшегося для нее экономического тупика единственно возможен благодаря экономическому об'единению, начало которому должно быть положено совместной деятельностью двух сильнейших европейских континентальных стран — Германии и Франции. Somary, op. cit S. 82—83.

водительность ее промышленности, но некоторое улучшение в этом отношении несомненно обнаружится. Увеличение размеров рынка, уничтожение внутренних таможенных стеснений для обращения товаров, более систематическая и единообразная политика в отношении заокеанской конкуренции, все это, несомненно, должно вообще облегчить и увеличить оборот, а вместе с тем повысит и европейское производство. Отмена внутрисоюзных пошлин уничтожает излишние барьеры. Будет создана общность европейских интересов и их целесообразная организация. Вместо того чтобы работать друг против друга, европейские страны станут работать совместно друг с другом [57]).

Промышленности отдельных стран придется, конечно, приспособляться к изменившимся условиям, более отсталые предприятия окажутся, может быть, в тяжелом положении, но это — неизбежное последствие всякого понижения таможенных пошлин и приближения к идеалу свободной торговли, который представляется желательной конечной целью и для многих из критиков идеи союза.

Вообще же более рациональная конструкция европейской экономической жизни, в смысле более планомерного разделения труда между странами, является несомненным прогрессом, к которому ведет общественно-политическое развитие, и пренебрежение этим принципом планомерной организации представляет собой бесполезную растрату народных сил и создает ту конкуренцию и враждебную внутри-европейскую атмосферу, от которой страдает все население нашего материка. В этом отношении уж и так, безотносительно к идее таможенного союза, почва подготовляется наличием и все большим распространением международных трёстов, стирающих экономические границы между государствами и уничтожающих конкуренцию между ними [58]).

Национальные вопросы от европейского об'единения не только не проиграют, а вероятно выиграют: стоит только в

57) Prof. Blaustein, „Europäische Zollunion“, S. 272. См. также J. Marchal, op. cit., p. 137 et 143.

58) См. о политике международных картелей Jean Cristu, op. cit. p. 118 et suiv. Стоит нам в этом отношении вспомнить хотя бы пример грандиозного спичечного трёста, охватывающего целый ряд стран и делающего в этой области соперничество почти совершенно невозможным.

этом отношении подумать о возможном разрешении в широком масштабе острого вопроса о положении меньшинств. Думать же о потере отдельными государствами их самостоятельности и превращении союза государств в стоящее над ними союзное государство, значит заглядывать слишком далеко в такое будущее, очертания которого совершенно теряются в виду их отдаленности и совершенно недоступны для нашего предвидения.

Главное же, что прекрасно понимают многие авторы, европейский таможенный союз, с полным уничтожением таможенных границ между входящими в него государствами, это только более или менее отдаленный идеал, которого нельзя достигнуть с одного удара. Для осуществления его нужны известные подготовительные шаги, которыми могли бы явиться предварительные соглашения между отдельными государствами или группами государств, как это имело место хотя бы при осуществлении идеи германского таможенного союза. Затем, в отношении тех или иных государств могла бы быть применена, с общего соглашения, неодинаковая практика в смысле только частичного ослабления таможенной охраны их промышленности, что дало бы время и возможность для последней приспособиться к новым условиям [59]). Но все же при этом самым существенным остается сохранение общего плана, установление общей цели, выдвигающее идею экономической, а вместе с нею и политической солидарности, открывающее для Европы новые перспективы и являющееся известной гарантией против новых, ненужных катастрофических потрясений. Вместо неумолчной борьбы создается идея солидарности!

Есть, наконец, и еще известная категория опасений против пан-европейского об'единения, но уже не экономического, а политического характера. Она заключается в том, что их носители, происходящие из среды народов, считающих себя, с той или иной степенью основательности, несправедливо обой-

59) См. Schnee, „Europäische Zollunion", S. 68, R. Riedl, ibid., S. 180—181, Flach, ibid., S. 214. Между завершением окончательного таможенного об'единения и современным положением должен быть еще целый ряд переходных ступеней, ведущих к конечному результату. См. также мнение проф. Brocard в книге J. Marchal, Union douanière et organisation européenne, Paris 1929, p. XI, а также p. 199. Кроме того еще и M. Grossmann, Systèmes de rapprochement économique, publ. par la S. D. N.

денными или даже прямо обиженными послевоенными договорами, начиная с Версальского и Трианонского, боятся, как бы проектируемое об'единение навеки не закрепило установленных после войны границ, с которыми они не хотят и не могут примириться. Они считают, что их вхождение в такой союз будет с их стороны как бы признанием status quo в качестве чего-то незыблемого, против чего они уже теряют тогда даже моральное право возражать. Противоположная точка зрения сторонников соглашения якобы вызывается как-раз обратными соображениями: желательности устранения не только возникновения конфликтов из-за вопроса о новых границах, но даже и самого повода к ним, в виду уничтожения экономического и политического значения этих границ, т. е. окончательного закрепления теперешнего положения. Такого характера соображениями некоторые об'ясняют отрицательное отношение или по крайней мере холодность известной части немецких кругов и немецкой печати к идее „Соединенных Штатов Европы“ с одной стороны и сочувствие этой идее со стороны Аристида Бриана, выдвинувшего ее в прошлом (1929) году на особо заметное место, с другой.

Мне кажется, что такого рода подход к этой проблеме или об'яснение соединенных с ней симпатий и антипатий, вообще грешит неправильностью. Связывать возможность или невозможность исправления тех или иных границ с созданием Пан-Европы вообще не приходится. Если какие-либо несправедливости в этой сфере, при наличии европейского об'единения, будут ощущаться, то они конечно смогут быть устранены, но только не военным путем, который сейчас же приходит на ум при современных условиях, а мирным, базирующимся на той договорной правовой основе, которая будет об'единять государства в замиренной Европе.

Этому замирению, с другой стороны, еще более будет содействовать ослабление остроты меньшинственного вопроса, который во многих случаях еще более обостряет всякие „пограничные“ конфликты, тем более что в „европейских штатах“ проблема границ вообще потеряет значительную часть своей актуальности и будет допускать гораздо более легкое разрешение.

Вся эта последняя часть нашего разсуждения касалась, главным образом, экономической стороны проблемы „Соеди-

ненных Штатов", но за ней выдвигается другая, еще более грозная сторона, перед которой все время стоит европейская политическая жизнь — это военная опасность![60]).

VI

Можно было бы думать, что великая война, вызвавшая такое невероятное потрясение во всем мире и особенно в Европе, унесшая более $10^1/_2$ миллионов жизней одними убитыми[61]), не считая пропавших без вести и тяжело раненых, настолько хорошо разрешила все старые вопросы, что теперь уже нет сколько-нибудь достаточных поводов к войне, что все в области мировой политики, по крайней мере на более или менее продолжительное время, улажено. Но самое поверхностное ознакомление с существующим политическим положением сразу же разрушает эту, казалось бы, столь вероятную иллюзию.

Начать хотя бы с Англии, вошедшей в войну в значительной степени из-за опасений перед растущей военной и экономической мощью Германии, которая, в случае победы последней, должна была бы еще неимоверно возрасти. И что же? После закончившейся войны у Англии вместо одного побежденного соперника оказалось два возможных других: один в Европе на суше — Франция, другой, гораздо более опасный, по ту сторону Атлантического океана — на море и

60) Что война при современных условиях представляется сплошным ужасом, — это мы, кажется, должны были бы достаточно знать. Литература, даже изящная литература, посвящённая истекшей мировой войне, громадна. Из наиболее недавних беллетристических произведений этого рода достаточно упомянуть хотя бы произведшую везде громадное впечатление книгу Ремарка „На западном фронте без перемен", которая рисует будничную и поэтому, м. б., еще более поражающую наше восприятие обстановку прошлой войны. Вообще война, особенно теперешняя война, ужасна, но у человечества очень короткая память, оно слишком быстро успокаивается и в будничной суете так же быстро забывает пережитое, как быстро восстанавливается нарушенная жизнь в муравейнике, по которому проехала, разрушив его, тяжелая телега.

61) М. А. Курчинский, Европейский хаос, стр. 15.

в хозяйственной области — Америка. А кроме того в резерве имеется еще и третий, стоящий на страже у Тихого океана, все более развивающийся и усиливающийся — Япония[62]).

Все это, конечно, только возможные соперники, но тем не менее в Англии и в литературе, и в парламенте с такими возможностями считаются и обсуждают последствия военного столкновения с Францией или Соединенными Штатами[63]).

По поводу Соединенных Штатов эта перспектива рассматривается и оценивается особенно подробно, питаемая тем недовольством, которое вызывает взаимно в обеих странах политика искусственного повышения цен на нефть и каучук. В эту войну, конечно, должна была бы так или иначе вмешаться и Япония, а результаты ее были бы гибельны для всего земного шара.

К этим разсуждениям присоединяются еще и опасения по поводу пресловутой „желтой опасности". Некоторые думают, что известные кошмарные страхи экс-кайзера Вильгельма в этом отношении могут осуществиться, а мы, русские, можем по этому случаю вспомнить стихотворное провидение нашего философа Владимира Соловьева, говорившего о том, как будут „желтым детям на забаву даны клочки твоих знамен". Но как бы там ни было, а азиатская проблема представляет целый ряд опасных симптомов и грозит втянуть в свою орбиту Европу. Совершенно серьезно говорится о такой политической комбинации, которая об'единяет в одном военном союзе Китай, Россию и Германию, а при известных условиях и Японию. Во всяком случае об'единение трех первых из этих стран, по мнению некоторых, и представляет „желтую опасность" настоящего дня. Я уже не говорю об осложнениях в Персии, Палестине или одном из наиболее уязвимых мест Британской Империи — Месопотамии.

Если дело обстоит так в Азии, то и Африка представляет целый ряд поводов для международных политических осложнений. Там выдвигаются на заметное место итальянско-

62) Hobelsberger, o. c., S. 17.

63) См. речь генерала Seely в нижней палате 19/II 1924 г., а также J. M. Kenworthy, „Will civilisation crash?" или в немецком переводе „Vor kommenden Kriegen", 1928, S. 315 u. 118—159; также и F. Somary, Wandlungen der Weltwirtschaft seit dem Kriege, Tübingen 1929, S. 61 ff. und 68—70.

фашистские аппетиты в отношении Абессинии, а может быть еще более острым вопросом является Танжер, где сталкиваются в одном пункте интересы Испании, Франции и Великобритании.

Но, конечно, самыми опасными для спокойствия Европы представляются те очаги в самой Европе, которые могут оказаться поводом для возникновения общеевропейского, а затем, может быть, снова и мирового пожара. Между тем таких очагов в Европе имеется несколько. Оставляя менее важные из них в стороне, нам достаточно указать только на главнейшие. Такими являются вопросы, связанные с интересами Германии, Балканы, Бессарабия и, может быть, Венгрия. Самым существенным в этом отношении представляется, конечно, вопрос о новых границах Германии после Версальского мира, в виду тех натянутых отношений, которые все еще существуют, несмотря на все усилия к их примирению, между Германией и Францией. Тут играют роль и ощущения, связанные с длительной оккупацией рейнской области, и тяжесть ее послевоенных репарационных платежей, но самое главное значение имеют ее новые восточные границы, польский коридор и отчасти вопрос так называемого „Anschluss'a" или об'единения с Австрией.

Германия никогда не примирится окончательно с установленными для нее восточными границами ее с Польшей, отнимающими у нее часть земель с немецким или немецки-настроенным населением, она не помирится с существованием „Польского коридора", разрезающего ее территорию на две части. Она может только до времени молчать, чтобы не создавать совершенно непреодолимых затруднений, грозящих расколоть Европу на два враждующих лагеря. Также волнует ее и вопрос о присоединении к Германии Австрии. Между тем каждая из этих проблем представляется очень сложной и чреватой весьма серьезными последствиями. Например, что касается „Anschluss'a", то совершенно очевидно, что самостоятельное существование Австрии в ее теперешнем виде представляется весьма затруднительным, но, с другой стороны, подобного рода усиление Германии кажется опасным в глазах Франции и в особенности невозможным с точки зрения Чехо-Словакии, которая оказалась бы тогда с трех сторон охваченной немецким государством, что для нее является

совершенно недопустимым в военно-политическом отношении. Заинтересованность же Чехо-Словакии выдвигает против такого решения все силы так называемой Малой Антанты и кроме того находит себе известную поддержку и в самостоятельных опасениях со стороны Италии [64]).

Это, конечно, все очень опасные вопросы. Германия не поднимает их в Лиге Наций, так как прекрасно знает, что их постановка на очередь вызвала бы распадение Лиги, ибо могла бы послужить причиной расхождения между Францией и Англией. Если же Германия оказалась бы в положении войны с Францией, то эта последняя была бы поддержана Польшей, а Германия — Россией. В эти военные действия вмешалась бы Румыния, на которую не преминула бы напасть Венгрия, недовольная своими, установленными по Трианонскому миру границами, и начался бы пожар в центральной Европе, который неминуемо втянул бы в свою орбиту и ряд других стран. В этом отношении опасность еще более обостряется уже указанными нами настроениями в Венгрии, которая не может примириться с созданным для нее новым национально-политическим положением, настроена крайне воинственно и только и выжидает момента, когда можно было бы посчитаться с своими соседями, в первую очередь — с румынами.

Но еще более похож на бочку с порохом, к которой нужно только подложить фитиль, вопрос о Бессарабии. Румыния ее аннектировала, Россия не признала этой аннексии. Англия и Франция поддерживают румынскую точку зрения, Германия же и Италия [65]) первоначально к ней не присоединились. Что могло бы произойти в этом углу Европы, если бы там возникло столкновение между двумя соседними державами из-за спорной области, при чем с одной точки зрения дело шло бы о войне, а с другой — только об освобождении собственной территории от находящихся в ней чужих войск!

64) К такому усилению относятся с большой опаской и французские круги, сочувствуя в гораздо бо́льшей степени проекту так называемого Дунайского таможенного об'единения, выдвигавшемуся, между прочим, и бывшим венгерским государственным деятелем Э. Хантошем (Hantos). См. J. Marchal, Union douanière etc., p. 86—98, а также W. T. Layton et Ch. Riste, La situation économique de l'Autriche. Rapport présenté au Conseil de la S. D. N.

65) Позднее Италия изменила свою точку зрения. См. Kampf um Paneuropa III, S. 186.

Все это приводит нас вообще к положению на Балканах, вечном гнезде смут и беспокойства. Там ничто не может притти к полному успокоению, и отношение соседних государств друг к другу напоминает рассказ про одного вождя в старые времена. К этому вождю явился с неба ангел и предложил любой дар и благословение по отношению к его народу при одном только условии, что та же милость неба будет в двойном размере дарована его соседям по ту сторону гор. После долгого размышления этот вождь наконец сказал, что его пожелание заключается в том, чтобы каждый из его подданных ослеп на один глаз!

Таково положение на Балканах, но и вообще, как мы видим, в Европе продолжает существовать столь раскаленная атмосфера, что достаточно какого-нибудь незначительного повода (вспомним сараевский выстрел), чтобы разгорелся общий пожар, который превзойдет по своим последствиям все доселе виданное. Как это высказал в одном интервью покойный французский полководец, маршал Фош, „такая война была бы в буквальном смысле слова мировой войной и не могла бы никоим образом быть локализована, так как в ней приняли бы участие почти все страны и притом в борьбу были бы вовлечены не только мужчины, но и женщины и дети каждого народа“ [66]).

Едва ли можно себе представить, в самом деле, что какое-нибудь из государств, принимавших так или иначе участие в мировой войне, сумело бы остаться в стороне от этого столкновения. В связи с системой современных договоров и соглашений даже и Англии едва ли бы удалось сохранить свой нейтралитет, но уже во всяком случае в военныя действия были бы вовлечены Франция, Германия, Бельгия, Россия, Финляндия, Польша, три Балтийских государства, Чехо-Словакия, Венгрия, Румыния, Австрия, Италия, весь Балканский полуостров и Турция. Испания была бы, конечно, хотя бы косвенно захвачена, и незатронутыми, может быть, остались бы только Португалия, Швейцария и северные государства, не участвовавшие в последней войне, которые оказались бы вне кипящего водоворота.

---

66) Интервью, данное 10/VII 1927 сотруднику журнала „Weekly Dispatch“, см. Kenworthy, o. c., S. 236.

Следствием этого столкновения было бы полнейшее разорение, банкротство, революция, голод во всех странах и, в результате, распространение большевизма по всей Европе. Америка и Япония были бы единственными великими державами, которые смогли бы остаться в стороне от этой войны, но и они понесли бы чрезвычайный ущерб вследствие необычайного обеднения всего мира и полной приостановки мировой торговли. Так представляет себе возможные последствия военного столкновения в Европе осведомленный английский политический деятель [67]).

Но что же, можно спросить себя: делает что-либо Европа, чтобы предупредить эту грозящую ей опасность? Да, можно ответить на это, на очереди все время стоят и сменяют друг друга мировые конференции, посвященные вопросам разоружения. Уже в скорости после войны (в 1921 году) имела место Вашингтонская конференция о разоружении на море, и с тех пор вопрос этот почти не сходит с очереди дня [68]).

Может быть, наибольший успех именно и выпал на долю этой первой конференции, которая ограничила для участвовавших в ней держав постройку новых боевых судов и установила точное соотношение морских сил между тремя наиболее могущественными морскими державами: Англией, Америкой и Японией, также как и вообще запретила постройку крейсеров с водоизмещением более чем в 10 000 тонн. Но о судах такого водоизмещения (т. е. в 10.000 тонн и меньше) ничего не было сказано, и, в результате, началось бешеное соревнование между заинтересованными странами, в первую очередь Англией и Америкой. Еще более опасным, может быть, оказалось то, что вследствие несогласия Франции не прошло выдвинутое на Вашингтонской конференции предложение о запрещении пользоваться подводными лодками. Это „дьявольское“ оружие не только остается в полной силе, но все более развивается и совершенствуется. Особенно усердствуют в этом отношении Франция и Италия, лишенные по недостатку средств возможности строить более крупные суда, но зато отыгрывающиеся на этом роде защиты и напа-

---

67) Kenworthy. o. c., S. 237—238.

68) Стоит упомянуть здесь хотя бы последнюю Лондонскую конференцию 1930 года, закончившуюся очень скромными и относительными результатами, далекими от какого-либо решения вопроса.

дения, который Франция называет „оружием бедных“. Число подводных лодок теперь значительно превышает то, что мы видели во время прошедшей войны; их размеры настолько увеличились, что они напоминают небольшие подводные крейсеры, чем очень увеличиваются возможные районы их действия. Что будет при их применении во время новой морской войны, в каком положении окажется морская торговля и вообще сношения между странами, сколько будет случаев, напоминающих Лузитанию, можно себе представить!

Вот все, что удалось достигнуть в отношении разоружения. Дальнейшие конференции, хотя бы Женевская 1927 года, не дали никакого результата. В отношении же ограничения сухопутного вооружения — не сделано ничего.

И даже можно сказать: не только ничего не сделано, но положение значительно ухудшилось по сравнению с прошлой войной. Война теперь стала и становится все более „научной“, основывается на научном базисе. Можно заранее сказать, что будущая война, если только человечеству суждено подвергнуться этому тяжелому испытанию, настолько же будет превосходить по своему ужасу и разрушительным последствиям истекшую войну 1914—1918 г. г., насколько эта последняя, в свою очередь, превосходила Наполеоновские войны, имевшие место столетие тому назад.

VII

Будущая война, это мы все уже много раз слышали, будет война в воздухе и химическая война. Все наши прежние представления о войне должно быть совершенно пересмотрены. Если уже во время прошлой войны было совершенно ясно, что теперь нет никакой поэзии войны, до крайней степени ограничена сфера личной храбрости отдельного индивидуума, то еще более это ясно для будущего. Есть поразительная, грандиозная техническая работа, где инженер и техник совершенно отодвинули на задний план солдата, как такового. Солдат — это только материал, такой же, как снаряжение, пушки, железобетон и, главное, грандиозные земляные или, вернее, под-

земные сооружения. Чем все это менее видно, тем лучше, но все должно быть в возможно большем количестве.

Теперешняя война — это крупное капиталистическое предприятие, и побеждает тот, у кого больше и на более долгое время хватит капитала для разрушительного производства. Конечно, как и во всяком другом производстве, налицо еще должна быть и воля к определенному действию, но все же воля пасует перед подавляющим капиталистическим оборудованием, как и в обычной экономической сфере. В борьбе конкурентов побеждает более сильный, лучше вооруженный, это ясно. Но зато война превратилась при таких условиях в настоящий ад. Нет всего того, что придавало войне, несмотря на весь ее ужас, известную красивость, о чем мы читаем в романах, посвященных прежним войнам, или видим на батальных картинах.

Человек сидит под землей, под безконечным градом свинца и железных осколков, при неумолчном реве орудий, от которого содрогается земля, и сам тоже отвечает таким же градом, сидя около своих орудий, издающих такой же рев, — в чаду и дыму, под действием удушливых газов, стараясь как можно меньше появляться на поверхности земли и продвигаясь вперед только тогда, когда все вражеское сметено ураганным огнем. Таково было и личное впечатление человека, посещавшего в более близкое к окончанию войны время поля бывших сражений [69].

Но, если это можно было сказать по поводу прошлой войны, то что же будет представлять собой будущая? Все то, что тогда только намечалось к концу войны, теперь получает необычайное развитие и завершение. Тогда, в последний период войны, стали играть большую роль танки: теперь их значение до-нельзя увеличится и, кроме больших военных машин этого рода, появится, как это предполагают специалисты, небольшой индивидуальный танк для отдельного пехотинца, вооруженный двумя пулеметами. Эти маленькие танки совер-

69) Свои впечатления о позициях за Реймсом я изложил в статье „Языкъ фактовъ", в газете „Послѣднія Извѣстія" (Ревель) №№ 249 и 250, 9/X и 10/X 1923 года, и то же в газете „Postimees" (Tartu) №№ 250 и 251, 20/IX и 21/IX 1923 г. По поводу техники прошлой и будущей войны существует теперь большая литература. Мы отсылаем читателя здесь к известной книжке Franz Carl Endres, La guerre des gaz, p. 75 et suivantes.

шенно вытеснят обычную пехоту и кавалерию, которая отойдет в прошлое, в эпоху алебард и стрелков из лука.

Но главным оружием все же будут летательные аппараты, вооруженные большим количеством бомб для метания и могущие делать налеты на любое место неприятельской территории. Последние успехи в деле воздухоплавания делают государство, располагающее подавляющим количеством аэропланов, хозяином положения. А между тем мы знаем, что количество этих последних до-нельзя возросло и, например, во Франции дело организовано таким образом, что в скорости после начатия военных действий она будет располагать не менее чем 4000 аппаратами с обученным персоналом и специальными мастерскими и оборудованием.

Аэропланы теперь, вероятно, будут играть большую роль не только на суше, но и в морских сражениях, где они будут нести не только разведывательскую службу, но и атаковать военные суда бомбами, которые при близком попадании могут немедленно потопить большой броненосец. Эти же последние теперь достигают невероятной величины и стоимости, доходя до 42.000, а в близком будущем и 60.000 тонн водоизмещения и представляя собой стоимость от 7—8 до 12 миллионов фунтов стерлингов, при чем их вооружение состоит из шестнадцатидюймовых (40,7 сантиметров) пушек, пробивающих на расстоянии 45 километров снарядами в тонну слишком весом стальную броню современного броненосца, толщиной в 35,5 сантиметров (пол-аршина). Можно себе представить, во что превратится решительный бой такого рода двух эскадр и что после него от них останется кроме тонущих обломков старого железа.

Итак, самую главную роль в будущей войне будут играть, как мы уже отметили выше, аэропланы и удушливые газы. При современной, все прогрессирующей технике воздухоплавательного дела не будет почти никакой возможности защищаться от налетов аэропланов, которые будут направлять свое преимущественное внимание не столько на вражеские окопы, сколько на большие города, крупные железнодорожные узлы, наиболее важные для жизни страны или военного дела фабрики. Защитить, по мнению специалистов, сколько-нибудь надежно Лондон, например, от такого налета, особенно если иметь в виду мыслимые уже и теперь аппараты без летчиков,

управляемые на расстоянии по беспроволочному телеграфу [70]), дело совершенно невозможное. А между тем эти аппараты могут уже теперь сбрасывать бомбы весом почти в 2000 килограммов (1950 kg), каждая из которых при своем падении смела бы с лица земли Unter den Linden или Faubourg St. Honoré [71]). Против этих налетов можно бороться только такими же налетами. На террор — отвечают террором! Является ли только это достаточным утешением?

Но это бомбы с взрывчатыми веществами, а бомбы с удушливыми газами или бациллами заразных болезней, конечно, еще много ужаснее. Правда, человек придумывает и против всех этих мер нападения орудия защиты, но они не всегда достаточны, не всегда поспевают во-время и все равно не исключают грандиозного количества жертв. При всех этих способах ведения войны, центр тяжести, в отношении ее тягот и ужасов, переносится на мирное гражданское население: стариков, детей и женщин.

Между тем в этой области одни изобретения следуют за другими, человеческий ум неумолчно придумывает все новое и новое. Если прежде думали, что от газов нужно скрываться в погреба или железнодорожные туннели, то теперь это уже оказывается неприменимым, так как газ особенно распространяется и долго держится именно внизу. Если против газов придуманы маски, то не все они действительны против каждого газа, и их приходится иметь целые ассортименты. Имеются при том уже и сейчас по крайней мере два газа, против которых маски не действительны [72]). Наконец, человеческий ум невероятно изобретателен в отношении причинения зла, и в настоящее время имеются уже такие способы использования газа, против которых совершенно бессильно применение каких бы то ни было масок. Так, изданное английским военным министерством в 1926 году руководство к ведению химической войны (Manual of Chemical Warfare, 1926) говорит о содержащих мышьяк газах приблизительно следующее. Если человек вдыхает в течении пяти минут воздух, в котором находится на 50 миллионов частей

---

70) F. C. Endres, op. cit., p. 71.

71) Kenworthy, o. c., S. 313; также и Endres, o. c., p. 132, 140.

72) F. C. Endres, o. c., p. 190.

воздуха одна частица такого газа, носящего название Diphenyl-Chloroarsen, то наблюдаются уже заметные признаки отравления, оказывающие воздействие на слизистую оболочку носовой полости. Более сильная примесь газа (1 на 10.000.000) вызывает у человека, уже по прошествии одной минуты, такие мучения, что он теряет способность к какой бы то ни было деятельности и впадает в отчаяние; при вдыхании в течении двух или трех минут наступает тяжкая рвота... Эти газы употребляются для того, чтобы вызвать такое возбуждение у жертвы, которое лишает ее возможности воспользоваться маской или сохранить ее на лице... В случае надобности, сначала наполняют какое-либо место газом, вызывающим смерть, а затем прибегают к помощи этого другого возбуждающего газа, заставляющего свои жертвы срывать противогазовые маски с головы. — Кажется, дальше в этой области идти уже некуда! [73]).

Ни о какой человечности при таких условиях говорить, конечно, не приходится, и единственная положительная сторона таких устрашающих налетов аэропланов, если только тут вообще можно говорить о чем-либо положительном, заключается, как это отмечал тот же маршал Фош, в необычайно устрашающем их действии на общественное мнение атакованной страны, которое может заставить ее правительство положить оружие [74]). Но это, конечно, очень плохое и сомнительное утешение!

Наряду с описанием прошлой войны имеются теперь и попытки описать, вернее — предугадать войну будущего. Одной из этих попыток является роман Виктора Мери́ка: La „Der des Der", „Последняя из последних", или в очень вольном переводе „Война войне".

---

73) По поводу газовой войны и результатов применения газов существует целая литература. Мы можем указать хотя бы на имена проф. Haber'a, т. н. „отца" германской газовой войны, д-ра Hanslian'a, д-ра G. Woker, проф. Meyer'a и уже несколько раз приводившегося нами F. Endres'a, op. cit., p. 89—119. См. там же главу: „Comment se fera la guerre nouvelle", p. 145—178. Автор утверждает, что если бы эскадрилье вражеских аэропланов с газовыми бомбами удалось неожиданно напасть на Берлин и спокойно „поработать" там в течение получаса, то в Берлине не осталось бы после этого ни одного живого существа, за исключением разве самых отдаленных пригородов (o. c., p. 151).

74) Kenworthy, o. c., S. 307.

В этом романе набрасывается крупными штрихами картина новой войны 1938 года, в значительной степени по своему началу и по составу участвующих стран напоминающей войну 1914 года. Но в остальном все изменилось. Обыкновенной войны с ее окопами, перестрелкой, боями — нет. „Все сведено к газам, к яду. Вот единственный враг, с которым приходится считаться. И притом никакой защиты против него. Никакого сопротивления. Его даже не чувствуешь. Он под вами, в вас, прежде чем вы могли сделать малейший жест, чтобы предохранить себя. Это уже более не война, не сражение, где человек играет свою роль среди осколков, в крови, в грохоте обломков, иногда грудь с грудью с противником... Это — смерть, пробирающаяся исподтишка, лезущая из-под ваших ног... Смерть грязная, недостойная, глупая“ [75]). И при этом все перевернуто вверх ногами. В новой войне уже не дерутся. Поэтому военные в ней не играют решающей роли. Вся тяжесть войны выпадает на долю гражданского населения: это мужчины, женщины, дети, ибо все мобилизованы от 15-летнего возраста. „А те, кто руководит войной, если только такой вещью можно руководить, — это техники, ученые, химики, зарывшиеся в таинственном мраке своих лабораторий, упрямо изыскивающие новые формулы убийства, более верные способы распределения смерти“ [76]).

Война оставила фронт. Фронт — самое спокойное и надежное место. Весь ужас сосредоточен в тылу, и на тех, кого отправляют с фронта в тыл, смотрят как на обреченных. Поэтому попасть на фронт — большое счастье и для этого нужна особая протекция. Война свирепствует над мирным населением. Налеты аэропланов разрушают большие города, фабрики, деревни; они стараются парализовать наиболее чувствительные жизненные нервы неприятеля. Защита заключается в аналогичных ответах с противной стороны: око за око, бомба за бомбу. Немцы совершили налет на Париж, французы отвечают им налетом на Берлин. Вражеская бомба расколола надвое чудесный фронтон старинного собора, где короновались французские короли. Хорошо, завтра французские летчики атакуют Кёльнский собор!

---

75) Victor Méric, La „Der des Der“, Paris 1929, p. 28.
76) Victor Méric, o. c., p. 31.

Большие города превращаются в центры ужаса. Жизнь в них — сплошной кошмар. Население приходит в отчаяние. Рушатся все моральные ценности. Развивается невероятный разврат, не прикрытый даже намеком на сохранение стыдливости: „Все равно ведь завтра умирать!“ По улицам бродят толпы осиротевших, заброшенных детей, из которых организуются шайки, занимающиеся грабежом, драками и нападением на прохожих. Ночи, освещаемые пожарами от бомб и наполненные грохотом громоподобных разрывов этих последних, превращают жизнь в сплошной ужас, вызывающий массовые самоубийства. В связи с все возрастающим голодом развиваются новые, невиданные болезни. Останавливается производство, почти замирает сельское хозяйство. Неселение бежит из больших городов. По стране бродят массы людей, грабежом и пытками добывающие себе пропитание. Наступает полнейшая анархия.

При этом тыл завидует сравнительно спокойному фронту и ненавидит его. На улице военным невозможно появляться в форме, опасаясь оскорблений и насилий. И, наконец, эта ненависть, соединенная с состоянием близким к сумасшествию, ведет к тому, что тыл: многие миллионы людей — бросается на фронт, чтобы его уничтожить и добиться таким образом мира. Их сметают ураганным огнем пушек, долгое время до этого остававшихся без работы. Наступает полнейший хаос, в котором все рушится. Конец человеческой цивилизации, конец жизни! [77]).

---

77) Victor Méric, o. c., p. 109, 117, 124, 129, 143, 257 et passim. Эти, как могли бы утверждать некоторые, „беллетристические фантазии“ автора вполне подверждаются данными специалистов военнаго дела. См. хотя бы несколько раз уже упоминавшуюся работу F. Endres'a, в особенности главу: „Comment se fera la guerre nouvelle“, указанную уже нами выше (стр. 53). Приводя там описания, вполне совпадающие с изложением Мерика, автор пишет, что ужас этой будущей войны заключается более всего в том, что она превращается в массовую бойню мирного населения. „Современный солдат будет принужден сознательно уничтожать и убивать женщин, детей, больных; он должен будет, трусливо атакуя их во время сна, истреблять человеческие существа, даже и не подозревающие о своей участи. — Этого человек, достойный своего имени, не может делать. Можно всего требовать от солдата, но нельзя требовать от него обесчещивающих поступков: нельзя требовать от него, чтобы он стал палачом.“ (Op. cit., p. 157.) Таково мнение автора, самого военного, об условиях будущей войны.

VIII

Вся эта картина, нарисованная фантазией романиста, но покоящаяся в значительной своей части на совершенно реальных данных, может быть несколько преувеличена, может быть не дает вполне верного изображения вероятной действительности, которую вообще трудно себе представить. Но одно только несомненно: будущая война будет сплошным ужасом и таким общим крушением, в котором может окончательно погибнуть теперешняя культура.

Мы как-то совершенно не думаем об этом. Человечество слишком легкомысленно, так же как оно было легкомысленно перед прошлой войной. Оно спокойно слышит об ужасных способах разрушения, которые для него готовятся, и продолжает заниматься своей каждодневной будничной суетой. Но стоит только на минуту задуматься о том, что будет с той массой людей, которых мы видим вокруг нас, если война разразится в ближайшие десять, пятнадцать лет? Какое большое количество из них будет задушено губительными газами, разорвано в куски бомбами, погибнет в дыму горящих зданий и под развалинами рушащихся домов; какая масса превратится в лучшем случае в жалких калек и какая невероятная бедность станет уделом человечества! Если хоть на минуту об этом задуматься, то нам станет понятным, что нужно изыскивать все меры, чтобы воспрепятствовать такому ужасу.

Казалось бы, в этом отношении многое могла бы сделать Лига Наций. Я принадлежу к числу тех, которые ценят это учреждение и склонны видеть в нем залог определенных возможностей в будущем. Она и до сих пор помогала несколько раз улаживать некоторые международные трения, устраивала или облегчала займы для небольших государств, вообще содействовала известному сглаживанию междугосударственных конфликтов. Но вся ее деятельность обещала в этом отношении успех только тогда, когда дело шло о маленьких и слабых государствах[78]), если же на карту поставлены интересы

78) Вспомним в этом отношении, в качестве примера, хотя бы вооруженный конфликт между Грецией и Болгарией, имевший место в 1925

одной из великих держав, аппарат Лиги Наций оказывается безсильным.

Не отрицая возможности дальнейшего усовершенствования Лиги Наций и приобретения ею большего значения, относительно прошлого времени мы должны констатировать, что до сих пор результат ее работ в деле ограничения вооружений, а в этом и лежит центр тяжести, приближается к нулю. Все совещания, все конференции и комиссии не привели к тому, чтобы в Европе был расформирован хотя бы один батальон пехоты, затоплен хотя бы один броненосец или уничтожен хотя бы один военный аэроплан. В этом отношении оказалось безрезультатным и соглашение в Локарно. Все остается по прежнему. Стоят на месте крепости и арсеналы, обучаются солдаты, изготовляются пушки и другие усовершенствованные орудия истребления[79]). А пока дело обстоит таким образом, опасность войны в Европе не уменьшается, а возрастает. Каждое государство боится растущих вооружений своего соседа и само спешит еще лучше вооружиться, а это обстоятельство действует на первое, которое еще более напрягает свои силы. Итак создается своего рода заколдованный круг, выходом из которого скорее всего может явиться война, которую, конечно, не будет в силах предупредить Лига Наций, являющаяся лишь средством успокоения военных опасений в периоды мира.

Все другие планы и предложения для предотвращения войны: пацифистские общества, воздействие прессы, страх перед новыми средствами истребления, надежды на растущее влияние рабочих партий, как и многое другое, оказываются совершенно недействительными[80]). Нисколько не более успеш-

---

году, который был улажен Лигой Наций в течение 24 часов, в то время как, без этого вмешательства Женевского собрания, он мог бы легко разгореться в большую балканскую войну. Но все же, даже и у больших государств, при наличии Лиги Наций, при всем ее теперешнем несовершенстве, проявляется чувство бо́льшей ответственности и бо́льшая склонность к разрешению возникающих конфликтов путем дружественных переговоров.

79) Kenworthy, o. c., S. 334.

80) Это тем более, что будущая война будет в гораздо меньшей степени зависеть от охоты или неохоты широких масс принять участие в войне или даже от их отказа итти под знамена, так как военные действия смогут ограничиться гораздо меньшим количеством участников. В будущей войне люди будут в гораздо большей степени заменены техническими при-

ным является проект об'явления войны вне закона, при чем государства, в руках которых находятся главная финансовая мощь и главнейшие источники наиболее важных видов сырья: нефти, каучука, хлопка и меди, установили бы по отношению к каждому нарушителю принятого постановления, т. е. признанному виновнику войны, финансовый и экономический бойкот[81]). Этими государствами являются Англия, Америка, Голландия, Бельгия и Швейцария при присоединении к ним еще Франции и Германии. Но кто мог бы заставить их всех настаивать на заключенном соглашении и что было бы, если бы какое-либо или какие-либо из них сами явились его нарушителями?

Это тем более так, что во всех этих государствах, наряду с настроениями в пользу мира, очень большую роль играет психология войны, для поддержания которой работает целый ряд сил, а ведь эта психология и вызывает в конце концов определенные решения.

Единственным более надежным способом провести решения против войны и сделать эту последнюю невозможной был бы такого рода прочный союз между этими государствами, который уничтожил бы политическое и экономическое соперничество между ними, положив вместе с тем конец и неустанному возрастанию вооружений.

К этой же цели именно и приближается идея Соединенных Штатов Европы, о которой мы говорим в нашем очерке. Отмена экономических и политических границ между европейскими государствами позволила бы ограничить вооруженные силы каждого из них.

По такому плану все европейские страны должны были бы в значительной степени разоружиться. В морском деле путем общего договора, выходящего за пределы Европы, по образцу Вашингтонской конференции, могло бы быть достигнуто соглашение относительно наличного количества боевых единиц; Франция и Италия должны бы были отказаться от дальнейшего соперничества в этой области, а подводные лодки должны бы были быть вовсе запрещены.

способлениями. Поэтому и настроение широких масс населения отходит на задний план, и с чисто-военной точки зрения начать такую войну гораздо легче, чем прошлую. F. C. Endres, op. cit. p. 33.

81) Kenworthy, o. c., S. 365 ff.

Сухопутные силы должны бы были быть уменьшены до размеров, соответствующих разоружению Германии. При таких условиях, а также с некоторыми необходимыми поправками, европейские сухопутные армии, при невхождении России в общий союз европейских народов и сохранении в ней большевицкого владычества, достигали бы, по подсчетам Куденхове, 1.175.000 человек, а вместе с колониальными войсками $1^1/_2$ миллиона. Если же иметь в виду падение советского режима, которое должно бы было быть ускорено замирением Европы и совместной ее политикой, направленной на включение России в общеевропейскую орбиту, то размеры этой армии еще более бы сократились. Развитие военной авиации в европейских государствах было бы запрещено вовсе.

Такова схема европейского разоружения, для контроля над проведением которого и для наблюдения за исполнением принятых обязательств, а также и для защиты от каких-либо нападений извне, должен бы был быть образован пан-европейский генеральный штаб. В распоряжении этого штаба находится пан-европейский воздушный флот, достаточно сильный для отражения нападений извне и для поддержания мира внутри европейского континента[82]).

Проведение этого проекта гарантировало бы европейский, а вернее всего и всемирный мир, уменьшило бы военные расходы государств по крайней мере на две трети по сравнению с теперешним, позволило бы отказаться или во всяком случае значительно сократить применение системы всеобщей воинской повинности, открыло бы широкие перспективы для более тесного экономического сближения. Главное же, такое положение обеспечило бы своего рода моральное разоружение и вместе с политическим и экономическим разоружением уничтожило бы тот военный психоз, под впечатлением которого живет все время послевоенная Европа. Это цель достойная того, чтобы для нее не жалеть никаких усилий.

Эта последняя отмеченная нами задача Европейских Соединенных Штатов — уничтожение опасности войны — является вопросом, важность которого не может быть преувеличена.

---

82) Coudenhove, Kampf um Paneuropa, B. III, S. 179 ff.

Идея об'единения европейских государств, какие бы трудности перед ней ни выдвигались, есть идея борьбы против войны. Кто не желает новой войны со всеми ее вероятными ужасами, ставящими под угрозу всю человеческую цивилизацию, тот должен быть сторонником такого об'единения, пусть в иной форме, чем та, в которой оно теперь выдвигается, но все же об'единения. Кто против войны, кто желает мирного развития народов, тот должен, несмотря на все трудности этого пути, стремиться к созданию выхода из современного положения, грозящего, в противном случае, неисчислимыми опасностями: крушением всей европейской, а может быть даже общечеловеческой, мировой культуры.

Пусть многое в этой идее кажется утопией, но сколько вещей, казавшихся человечеству утопиями (возьмем хотя бы отмену рабства, свободу совести и многое другое) прочно вошли в жизнь.

Если мысль об об'единении Европы, по слову поэта, только „сон золотой", то его навевают человечеству не одни только „безумцы", а, наоборот, в него верит целый ряд наиболее выдающихся и блестящих политических деятелей и мыслителей современности [83]).

Нужно помнить, что только идя по пути осуществления идей, кажущихся людям в тот или иной момент почти недостижимыми, человечество движется вперед к лучшему будущему!

---

83) Cristu, op. cit., p. 278.

Résumé.

Les Etats-Unis de l'Europe.

Les perspectives économiques et politiques de cette idée.

L'idée des Etats-Unis de l'Europe, autrement dit Pan-Europe, est devenue très populaire. C'est un sujet de délibération des journaux, des livres, d'une littérature entière. Dans le dernier temps cette idée est liée au nom du comte Coudenhove-Kalergi, qui a fondé une société spéciale pour la propagation de cette idée et a organisé à Vienne un congrès pan-européen. L'année passée cette idée a encore gagné du terrain par le concours de M. Aristide Briand, qui l'a soutenue d'une manière prononcée.

L'idée même d'une union européenne ou plutôt d'une union douanière des états européens n'est pas aussi neuve qu'on pourrait le penser. L'Allemagne et l'Angleterre représentent des unions douanières. Celle de l'Allemagne est sortie du Zollverein entre les divers états allemands et celle de l'Angleterre comprend ses dominions et colonies. Il y a beaucoup d'écrivains et de lettrés, beaucoup d'hommes d'état, qui ont parlé de cette idée et s'y sont montrés sympathiques. Il y a eu des projets et des tentatives depuis la première moitié du XIX-me siécle. Je n'ai qu' à rappeler les plans de „l'Union du Midi", les projets du baron Brouk, ministre de l'Autriche-Hongrie. La même idée sur une base encore plus large a été soutenue par les milieux socialistes pendant la première Internationale et par le parti social-démocratique allemand au Reichstag vers 1890.

Mais ce qui réveilla la plus grande attention et causa le plus grand retentissement littéraire en Allemagne, ce fut l'idée de l'Europe centrale, qui devait unir l'Allemagne et l'Autriche-Hongrie, idée proposée par F. Naumann, député du Reichstag. Son livre, intitulé „Mitteleuropa", parut au commencement de la

guerre mondiale. C'était le projet d'une union des états de l'Europe centrale avec un but plutôt militaire, dirigé contre l'Orient et l'Occident, en premier lieu contre l'Angleterre et la Russie. Les résultats de la guerre ont définitivement mis fin à ces projets, mais en ont fait surgir d'autres, d'un caractère pacifique très prononcé.

Un de ces projets représente l'Union douanière et politique des états européens, la Pan-Europe de Coudenhove-Kalergi. Ce plan est dû à une idée purement pacifique. Ses buts se résument en trois points et sont traités sous un aspect tout nouveau.

Il s'agit de la solution de trois problèmes: 1° du problème de la paix en Europe, 2° de celui de la lutte économique entre les états européens, et, enfin, 3° du problème national minoritaire. Pour la solution définitive de tous ces problèmes, la voie la plus radicale est l'abolition de toutes les frontières entre les états, en les rendant invisibles pour ainsi dire. Un des plus graves côtés de ce problème est la question des frontières extérieures de cette union. Coudenhove la résout, en proposant d'y incorporer tous les états de l'Europe outre la Russie et l'Empire Britannique. La Russie est exclue parce que, selon Coudenhove, elle est devenue après la guerre plutôt un pays asiatique qu 'un pays européen; l'Empire Britannique, parce que ses intérêts s'étendent pour la plupart bien au-delà des limites de l'Europe et que toutes les dominions, en premier lieu le Canada, s'opposeraient à une pareille union de leur métropole.

Mais cette union est absolument nécessaire, 1° au point de vue d'une garantie de la paix européenne, et 2° au point de vue des intérêts du développement économique de l'Europe. Cette union peut être considérée comme tout à fait possible, parce que, malgré le morcellement politique et économique de notre continent, on peut de plein droit parler d'une âme européenne et d'une parenté intrinsèque de tous les peuples de l'Europe.

La Société des Nations, ayant des buts semblables, devrait être pour cette union. Il en est de même pour la plupart des partis politiques. Dans le camp de ses adversaires se trouveraient seulement les militaristes et les groupes des industriels intéressés, coûte que coûte, à la conservation des droits de douane actuels. Mais ce sont surtout les chauvinistes qui sont contre cette idée; ils ne peuvent se représenter l'amour pour le propre pays sans la haine et l'envie des autres; et les communistes, qui ne sont pas intéressés dans une union

pacifique, mais dans une union ayant pour but une révolution mondiale.

On conçoit facilement que les causes de l'union proposée sont principalement d'un caractère économique et prennent leur origine dans la guerre passée. Les conséquences de cette guerre, comme nous le savons bien, ont bouleversé l'Europe et l'ont conduite à une crise permanente. Les conditions économiques de l'Europe après la guerre, en les comparant avec celles d'avant guerre, sont effrayantes. Au point de vue politique, économique et financiel, l'Europe a perdu sa position dominante et a cédé sa suprématie à l'Amérique. Son industrie et son commerce extérieur ont beaucoup perdu de leur importance. Il faudrait tout faire pour reconstituer la position perdue; un des moyens pour y parvenir serait l'union en question.

Nous connaissons déjà ses cadres, proposés par Coudenhove; nous savons qu'il voulait exclure de cette union l'Angleterre et la Russie. Par la suite du temps, il a changé son point de vue primordial rigoriste en ce qui concerne l'Angleterre et partiellement même la Russie; mais d'après son avis ce sont tout de même des états, qui ne conviennent pas à l'union projetée. Mais ses raisons à ce point ne peuvent pas soutenir même la critique la plus bienveillante. Les intérêts économiques unissent l'Angleterre aux pays du continent européen et l'intéressent dans l'existence d'une Europe forte, unie et riche. En ce qui regarde les dominions et les colonies anglaises, elles gagneraient beaucoup plus d'une agrégation à l'Union européenne que de leur isolation de l'Europe et d'une alliance avec leur métropole seule. D'un autre côté, il ne faut pas oublier que d'une union *sans* l'Angleterre sortirait immanquablement une union *contre* l'Angleterre. Il faut encore faire remarquer que dans la question coloniale la possibilité de se baser sur la portée de l'Europe a pour l'Angleterre une importance de premier ordre.

Quant à la Russie, on peut dire que c'est surtout la peur panique de ce pays, qui a fait naître l'idée de l'union paneuropéenne. D'après Coudenhove, les deux pays les plus dangereux pour l'Europe sont l'Amérique et la Russie. L'Amérique veut l'acheter, la Russie — la conquérir. Contre ce dernier danger il y a un seul remède: c'est l'Union. Pendant toute son histoire depuis Pierre le Grand, la Russie a tendu à l'expansion de ses frontières, la Russie rouge dans la même mesure que la

Russie blanche. Il n'y a qu'une issue de cette position précaire: c'est l'entente avec la Russie et la conclusion d'un pacte de garantie avec ce pays. Il faut même dire, que l'exclusion de la Russie de cette union supposée serait une très grande faute; (nous parlons ici de la Russie sans considérer son système politique actuel, comme d'une unité nationale, économique et historique toute simple). L'union en question devrait être une unité non opposée au monde restant, mais toujours une unité, qui se suffise à elle-même, ayant dans ses cadres tous les éléments essentiels. De ce point de vue on peut voir dès le premier abord que l'union supposée dans ces frontières plus étroites aurait en mains une quantité suffisante de fer, de houille, de métaux de couleur, de bois et de forces d'eau, mais elle serait pauvre en deux éléments très importants: les céréales et le naphte. Pour en avoir, il faudrait étendre les cadres de l'union européenne beaucoup plus loin vers l'orient et y incorporer la Russie. Ce serait aussi très utile au point de vue de l'importance du marché russe, qui, notamment après la renaissance de la Russie et sa libération du joug bolchéviste, pourrait ouvrir pour l'industrie européenne des chances immenses.

On voit de plus en plus clair que c'est entre les mains de la Russie que se trouve la clef du problème économique de l'Europe. Il va sans dire que cette inclusion serait extrêmement utile pour la Russie, tant du côté économique, que du côté intellectuel. Seulement pour un certain laps de temps il faudrait accorder à la Russie certaines concessions à cause de son industrie restée en arrière.

Si, selon les causes mentionnées, nous incorporons dans notre union l'Empire Britannique et la Russie, nous aurons, au contaire des propositions de Coudenhove et de Woytinsky, qui lui aussi a fait un plan de cette union, trois groupes d'états, formant des unités économiques et partiellement politiques. Ce seraient: 1⁰ l'Union de tous les états européens, y compris la Russie et toutes les colonies de l'Europe, 2⁰ l'Asie orientale et 3⁰ la Pan-Amérique (voir la carte à la page 39). Dans ce plan l'Union européenne, vu son étendue et le nombre de sa population, devrait évidemment jouer un rôle prépondérant.

Comme nous voyons à présent, les plans proposés ont deux buts principaux: 1⁰ la solution du problème économique, et 2⁰ une certaine sûreté contre une nouvelle guerre. La solution du

premier problème consiste dans la création d'une union douanière. Mais les plans de cette union ont beacoup d'antagonistes. Ces derniers sont d'avis, que cette union conduira les états participants à la perte de leur indépendance ou, au moins, à celle de leur souveraineté; qu'elle menace même les peuples d'une dénationalisation, qu'elle tend à un but qui peut être atteint plus facilement par le libre échange. D'un autre côté, l'union douanière, en créant de grandes difficultés à l'industrie et aux groupes ouvriers de certains pays, ne produit aucun effet réel, parce qu'elle n'enrichit pas la population et par conséquent ne crée pas de nouveaux moyens pour le débit des produits de l'industrie. Mais toutes ces objections ne se maintiennent pas et vont souvent trop loin dans leur critique. Tout en admettant les difficultés, sortant de la mise en œuvre de l'union, nous devons dire qu'elle sera dans beaucoup de circonstances utile à l'industrie et au commerce des pays européens, et, ce qui est très important, elle constituera dans ce domaine une organisation absolument nécessaire. A la place du combat d'un membre contre un autre, nous verrons dans les états européens un travail commun pour un but commun. Et encore, en ce qui concerne toutes ces difficultés, il ne faut pas oublier que l'accomplissement de ce plan d'union demandera un laps de temps assez long, qui donnera à ses membres des possibilités d'adaptation.

D'un autre côté, comme nous l'avons dit plus haut, le plan de l'union a pour but d'empêcher une nouvelle guerre. Le danger d'une guerre n'est pas exclu: dans l'Europe contemporaine il existe un assez grand nombre de foyers pour la naissance d'une pareille guerre. Quantité d'hommes politiques savent, qu'une petite étincelle peut faire surgir un grand incendie international, qui pourra anéantir à fond toute la civilisation non seulement européenne, mais, peut-être, mondiale.

Ici la question se pose: l'Europe fait-elle quelque chose pour éviter la guerre? On peut y répondre, que presque dès la fin de la guerre mondiale, à commencer par la conférence de Washington, des conférences et des commissions travaillent tout le temps pour le désarmement. Mais si cette première conférence a eu encore un certain succès dans le domaine du désarmement sur mer, les autres entreprises de ce genre n'ont obtenu aucun succès visible.

Quant à cette guerre future, nous savons très bien qu'elle sera affreuse, qu'elle demandera des victimes innombrables. Cette guerre sera une guerre „scientifique", elle sera une guerre aérienne, une guerre de gaz, et d'ailleurs, elle atteindra plus encore, que les militants, la population civile. D'après toute prévision, cette guerre sera un désastre inexprimable.

Qu'est-ce qu'on peut donc faire? Comment empêcher la guerre? Jusqu'à prèsent tous les moyens n'ont eu aucun succès et même les travaux de la Société des Nations n'ont conduit à aucune amélioration essentielle. La seule chose qui dans une certaine mesure pourrait nous avancer, serait une union stable des états européens, qui abolirait la concurrence politique et économique et mettrait fin à l'incessant accroissement des armements. C'est à cela même que tend l'idée des Etats-Unis de l'Europe, dont nous venons de parler, avec ses plans de désarmement universel et d'abolissement de toutes les frontières.

Nous n'ignorons pas toutes les difficultés qui surgiront, mais il me semble que l'abolition du danger militaire doit intéresser tous ceux, qui se représentent toute l'horreur d'une guerre future.

Quoique l'union européenne nous fasse à présent l'effet d'une utopie, nous devons ne pas perdre de vue que bien des entreprises qui autrefois paraissaient être des utopies, sont devenues des réalités et que ce n'est qu' en réalisant des utopies que l'humanité marche vers le progrès.